

На правах рукописи

Гончаров Сергей Захарович

**ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ,
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Екатеринбург

2007

Работа выполнена на кафедре философии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького.

Научный консультант – доктор философских наук,
профессор В. В. Ким

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор С. Ф. Денисов,
доктор философских наук, профессор С. Н. Мареев,
доктор философских наук, профессор Д. В. Пивоваров

Ведущая организация – Уральский государственный педагогический
университет

Защита состоится 15 марта 2007 г. в 15 – 00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького по адресу 620083, г. Екатеринбург, К – 83, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского госуниверситета им. А. М. Горького

Автореферат разослан 13 февраля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

В. В. Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, возрастанием роли информации, знаний, идеального фактора, целостного мышления в функционировании социальных систем, в частности системы образования, определяющей духовный и культурный, интеллектуальный и профессиональный потенциалы современного общества. Скачкообразный рост знаний предполагает их уплотнение, фундаментализацию образования, что возможно посредством категориального мышления.

Во-вторых, дисгармонией между целерациональностью и ценностной компонентной в сознании современного человека. Истолкование реальности зависят не только от ее содержания, но и от ментальной оптики воззрения на предмет. Крайности рационализма, сциентизма провоцируют на «бунт» против научного метода, ведущий в другую крайность, в мифологию и иррационализм. Резкое снижение доли объективности в понимании реальности и нигилизм характерны для современного сознания. Ставка на технологии вытесняет ценностную компоненту на периферию сознания, порождая понижение уровня ценностных ориентаций, банализацию жизни, эрозию идентичности и достоинства человека.

В-третьих, коммерсализацией культуры, вырождением ее в технику жизни. Качество жизни и культуры, уровень притязаний субъектов в значительной мере определяются тем актом субъективности, каким творятся жизнь и культура. Субъективный акт определяется сочетанием душевно-духовных сил субъекта. Его упрощенность – одна из причин вырождения культуры в «бессердечную» техногенную цивилизацию. Максимум прибыли, минимум совести – такова ее экономикоцентричная рассудочная установка. Единение логики и аксиологии предполагает целостный духовный акт в единстве основных творческих сил. Такой акт составляет креативно-антропологический базис для успешной самореализации человека в личной, профессиональной и гражданской областях жизнедеятельности.

В-четвертых, насущной потребностью перестроить сам духовный акт, каким творится жизнь, культура и экономика, объединить логический синтез и аксиологический синтез в жизнедеятельности современного человека. Решение данной проблемы особо значимо потому, что целостность духовного акта ориентирует на креативность в проектировании социальных систем, будь то экономика, политика, менеджмент на предприятии или образование.

В-пятых, целостный духовный акт составляет сердцевину целостной деятельности, ее творческой продуктивности в созидании общеинтересной и полезной новизны. Его воспитание в подготовке специалистов – необходимая субъективная предпосылка для обретения личностью единства профессиональной и социальной форм компетентности, объективности и аксиологичности в понимании реальности, научно-теоретической и ценностной форм сознания.

В-шестых, интуитивно ясный принцип «сердца» следует оформить дискурсивно, чтобы сообщить ему должный статус в теории и в «жизненном мире». Проблема состоит во взаимодополнительности логического и аксиологического форм синтеза.

Выяснение особенностей категориального мышления и аксиологического синтеза сердца открывает возможность для качественного улучшения воспитания новых поколений, подготовки специалистов, для которых истина, добро и красота являются императивами.

Степень разработанности темы исследования

Исследование форм мышления (категорий) в отечественной философии советского периода приходится на 60-80 годы XX века. Работы Э. В. Ильенкова о диалектике абстрактного и конкретного, об идеальном задали высокий методологический уровень в осмыслении проблем. Важным явился аспект формирования категорий в деятельности общественного человека (Ж. М. Абдильдин, К. А. Абишев, Г. С. Батищев, Э. В. Ильенков, Л. М. Косарева, Б. А. Ласточкин, Г. В. Лобастов, К. Н. Любутин, С. Н. Мареев, К. Р. Мегрелидзе, Л. К. Науменко, Д. В. Пивоваров, А. А. Сорокин, А. К. Фролов, А. А. Хамидов, А. А. Щитов и др.). Логические категории понимались авторами как универсальные схемы теоретического отображения и практического преобразования реальности. От общих аспектов авторы переходят к анализу отдельных категорий – качества, количества, меры, сущности, противоречия, субстанции и др. Это направление исследований стало в 70-80 годы XX века основным. В Уральском университете под редакцией В. В. Кима и И. Я. Лойфмана, на протяжении ряда лет издаются сборники под общей серией «Категории диалектики». Такие же центры по исследованию категорий диалектики возникают в Горьком, Саратове, Ленинграде, Киеве и других городах. В 1970–80-е годы выходят работы обобщающего характера (Э. В. Ильенков, В. А. Кайдалов, Б. М. Кедров, П. В. Копнин, В. П. Кохановский, Ф. Кумпф и З. М. Оруджев, З. М. Оруджев, В. Н. Сагатовский, Е. В. Солопов, А. П. Шептулин и др.), а также индивидуальные и коллективные монографии, посвященные диалектике периодов классической немецкой философии и марксистской философии (М. А. Булатов, П. П. Гайденок, В. П. Кузьмин, Н. В. Мотрошилова, В. И. Шинкарук и др.; авторские коллективы под руководством В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана, Т. И. Ойзермана и Н. В. Мотрошиловой, Л. Н. Суворова, В. А. Штейнберга и др.). В 1980-е годы были опубликованы труды коллективов авторов: пятитомное издание «Материалистическая диалектика», трехтомное издание «Философские основы теории развития». С середины 1980-х годов такие исследования резко пошли на спад.

В исследовании логических категорий можно отметить историко-философский, генетический, логико-гносеологический, психологический, социологический, социокультурный, аксиологический и лингвистический аспекты. Наиболее исследован первый аспект: авторы прослеживали эволюцию в понимании категорий в истории философии. Социологический и социокультурный аспекты исследовались в конце 1970-х – начала 1980-х годов с нарастающей интенсивностью (Ж. М. Абдильдин, И. А. Абишев, Л. М. Андрюхина, А. С. Арсеньев, Г. С. Батищев, В. С. Библер, М. А. Булатов, В. Е. Давидович, Л. М. Косарева, С. Б. Крымский, А. Н. Лой, С. Н. Мареев, Т. П. Матяш, Л. К. Науменко, З. М. Оруджев, Б. В. Починок, Е. Я. Режабек, В. А. Салин, А. А. Сорокин, Г. В. Старк, А. А. Хамидов, В. И. Шинкарук и многие др.). Задача исследований данного аспекта заключается в конкретизации и в системном изложении таких факторов, в частности, значимости общественных отношений в коллективной категоризации.

В психологии мышление и его категории исследуются тоже на основе ведущей роли орудийной, предметно-преобразующей деятельности общественного характера (Дж. Брунер, А. Валлон, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, А. С. Лурия и др.). Развитие мысли связывается с поэтапным формированием умственных действий, с их раздвоением на операции конкретные, замкнутые на предмет, и операции абстрактные и с генерализацией абстрактных операций (П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Ж. Пиаже и др.).

Соединяя данные гносеологии, истории науки и психологии, Д.В. Пивоваров развил положения о том, что категории по своему генезису есть парадигмические операции, алгоритмы деятельности, включающие предметный и операциональный компоненты. Лингвистический аспект исследовался специально Н. С. Автономовой, Э. В. Ильенковым, Л. С. Выгодским, В.В.Кимом, В. З. Панфиловым, А. М. Лосевым и др. Содержание и методологическое значение тех или иных логических категорий выяснены достаточно полно.

Наименее исследован генетический аспект – закономерности формирования категорий в чистой, освобожденной от исторической случайностей, форме. Нет монографий, посвященных данному аспекту, он затрагивался в работах или в общей форме, или в связи с иными вопросами. В работах М. К. Мамардашвили было дано понимание форм мышления как абстрактного содержания мышления, роли сознания в функционировании социальных систем. Состав мысли как единство содержания конкретного и абстрактного отмечали В. Н. Борисов, М. А. Плотников. Но генетическое развитие этого единства до всеобщих форм мышления (категорий) в литературе не прослежено. Сосредоточив внимание на содержании категорий, авторы упустили логико-категориальную форму как таковую. Необходимо отделить такую форму от определенного состава категорий (количества, причины и т.д.) и выяснить закономерности ее образования, что позволит раскрыть общий закон формирования всех логических категорий.

Метод развития категориального мышления был представлен по-преимуществу как метод восхождения от абстрактного к конкретному. В работах Ж. М. Абдильдина, Г. С. Батищева, В. Н. Вазюлина, Ф.Ф. Вьякерева, Д. Г. Горского, Э. В. Ильенкова, Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, В.П. Кохановского, В.П.Кузьмина, Л.А Маньковского, С. Н. Мареева, И.С. Нарского, Л. К. Науменко, З. М. Оруджева, М.Н. Розенталя, И. С. Шевцова, А.П. Шептулина и др. раскрыты важные моменты метода (абстрактное и конкретное, противоречие, опосредствование, системность, монизм, субстанциальность, историзм и др.). Логика метода нуждается в конкретизации, дающей операционально осуществимую стратегию в развитии категорий.

Нуждается в уточнении состав содержательной (диалектической) логики, которая традиционно понимается как наука «о процессе научного познания», о формах «теоретического мышления». Такая трактовка одномерна. Субъект осваивает реальность теоретически, ценностно и практически. Мышления вне ценностного вектора становится всеядным, релятивным. Оно скатится до состояния аксиологической нейтральности, плодя деструктивные проекты и ложные экспертизы. Целесообразно соединить диалектику с этикой, мышление с совестью и сообщить логике аксиологическую направленность.

Аксиологический вектор исследований, поиск духовно-ценностных основ развития культуры, страны в целом, являются остро актуальными, в частности в аспекте социокультурной идентичности. В современной России одним из главных является противоречие между социокультурными традициями и модернизацией; неопределенна ценностная стратегии развития страны, целеполагания. За последние 10 лет вышли обобщающие работы по теме духовности ряда авторов (В. И. Бабушкин, К. Я. Вагина, Э. С. Вайнштейн, Р. Н. Васильев, Р. А. Зобов, А. И. Зелинченко., А. А. Какурин, В. М. Князев, Р. Л. Лифшиц, В. И. Мурашов, Ю. И. Мирошников, В. М. Петров, Д. В. Пивоваров, В. И. Слободчиков, И. Н. Степанова, С. М. Шалютин, В. Г. Федотова, В. И. Филатов, З. В. Фомина, Ф. А. Хараев). Такое внимание к теме объясняется интенсивным поиском надежных и долговременных

ценностных ориентиров, особенно для воспитания. Обретение духовности – таков императив у растущего круга не только научно-педагогической общественности, но и личностного поиска многих людей, занятых в иных сферах. Конкретизация родовой природы духа, целостного духовного акта, дополнительности аксиологического синтеза по отношению к синтезу логическому и значимости духовности в подготовке специалистов является актуальной задачей.

Объектом исследования являются рациональные и ценностные компоненты сознания. **Предмет** исследования – формирование логических категорий и аксиологический синтез «сердца», дополняющий логический синтез.

Целью работы является определение онтологических и гносеологических особенностей образования и развития логических категорий и обоснование креативности аксиологического синтеза «сердца» в культуре. **Задачи** исследования:

- раскрыть в систематической форме общественно-материальную основу формирования логико-категориального мышления;
- выявить гносеологические особенности развития мысли от простой формы ко всеобщей;
- обосновать логику метода развития категориального мышления, а также методологическое значение основного диалектико-логического отношения – отношения целого к самому себе;
- раскрыть креативную функцию аксиологического синтеза «сердца» в культуре;
- на основе разработанных положений конкретизировать субъектность человека; возможные предельные основания мировоззренческой культуры и духовно-ценностные основы гуманитарного образования.

Методология исследования заключается в диалектическом методе решения поставленных задач путем выявления и разрешения противоречий в самом предмете; в социокультурном подходе в понимании идеальных форм; в единстве синхронии и диахронии; деятельности, общения и мышления; в субъектной философской позиции.

В содержательном плане автор исходит из универсальных возможностей человека как культурно-исторического существа, из самопроизводства человеком идеальных, социальных и материальных форм, из основополагающей роли социальной связи, которая всегда остается абсолютной для людей и первичной по отношению ко всем феноменам человеческого бытия, от экономических до религиозных.

Автор руководствовался положениями о том, что «практика есть существеннейшая и ближайшая основа человеческого мышления» (Ф.Энгельс), что «логические категории все же прямо вытекают из “наших отношений”» (К. Маркс); что необходима обработка не только истории мысли, но и «техники». Поле труда и общественных отношений есть существенная область формирования логических категорий. Мышление индивидуума есть общественная сила, оно есть аналитико-синтетическая мощь общественного труда, идеально проецируемая на реальность.

Научная новизна представлена следующими результатами:

1. Систематически раскрыта общественно-материальная основа категориального мышления: выявлены ее конкретные факторы и их влияние на мышление как в технологическом отношении человека к природе, так и в системе отношениях между субъектами.
2. Дана типология общественно-материальной основы категориального мышления; определено социокультурное основание диалектического мышления.

3. Выявлена родовая определенность «всеобщего труда» (К. Маркс), из которой объяснены особенные его характеристики, раскрыты значимость теоретического мышления в этом труде и социокультурная значимость данного труда, актуальная в условиях «экономики знаний».

4. В новом аспекте реконструированы идеи И. Канта о категориях; обосновано значение апперцепции как предпосылки мышления, субъектных качеств человека.

5. Предложена гипотеза о генетически исходноймыслеобразующей форме, в рамках которой зарождается и развивается мысль.

6. Выявлены особенности развития мысли от простой формы до всеобщей – логико-категориальной.

7. Раскрыта значимость логических категорий в теоретическом освоении реальности: их функции синтеза, понимания, отражения, эвристическая, методологическая, предвосхищения, познавательно-оценочная, уплотнения знания, научно-коммуникативная, и культурологическая, а также эффект «оборачивания метода» применительно к этим категориям.

8. Обоснована логика метода развития категорий, раскрыто методологическое значение основного диалектико-логического отношения – отношения целого к самому себе в понимании и разрешении реальных противоречий, в понимании становления системы в целостность; на основе данного отношения изложена логика понимания субъектности.

9. Выявлено превращение социальной связи во всеобщие моменты понятия: «всеобщее – особенное – единичное» (В – О – Е).

10. Конкретизированы особенности духовного уровня субъективности в отличие от душевного уровня; раскрыта креативность целостного духовного акта;

11. Выявлена специфика аксиологического синтеза сердца на основе однородного чувства совершенства.

12. Раскрыта творческая продуктивность духовного созерцания в культуре.

13. Определены возможные основания мировоззренческой культуры.

14. Обоснованы инвариантная структура гуманитарного образования и необходимость поэтапного введения всеобщего высшего профессионального образования как необходимой культурной предпосылки успешного развития России.

Положения, выносимые на защиту

1. Актуальны идеи И. Канта о мышлении, развитые им с позиций свободной самодеятельности «Я»; чувственно-конкретной и абстрактно однородной сторон деятельности; в связи с самосознанием субъекта, а не как с действиями технического порядка; с позиций принципа производства идеальных предметов в «сборочном цехе» воображения. Кант предложил субстанциальный подход и монистично вывел категории из временных схем самодеятельного «Я». Благодаря сведению чувственно многообразного (на основе категорий) к единству самосознания субъект превращает мыслимый материал в функциональный орган своей свободной воли и властвует над ним, производит идеальный предмет, чтобы затем произвести его реально, согласно цели. Мышление, как целенаправленное формопреобразование, символически продолжает формопреобразующую функцию труда.

2. Объективной основой всеобщих форм мышления является процесс самопроизводства людьми собственной жизни при посредстве общения и общественных отношений. Процессы производства предметных и социальных структур поставляют мышлению предметные аналогии как микросхемы мышления, а общение и общественные отношения генерализируют частные схемы синтеза до

всеобщих форм – логических категорий. Общие, общественные отношения принуждают мышление работать по общим схемам и порождают в процессах социальных коммуникаций всеобщие идеальные меры, мыслительные эквиваленты, наряду со всеобщими мерами стоимости, времени, количества и другими мерами.

3. Общественно-материальная основа категориального мышления различается на три типа: субъективный, объективный и универсальный (субъектный). Основанием типологии является строение производства, общественных отношений и сознания.

4. Социокультурным основанием диалектического мышления являются самодеятельность, соревнование по поводу сравнения продуктивных сил субъектов, тенденция самообновления людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления. Саморазвитие людей порождает понимание и внешней реальности в аспекте развития.

5. Мысль зарождается в процессе отождествления двух различных по составу содержаний. Одно из них своей структурой представляет структуру другого содержания. Функция представительства сводит такое содержание к формальному, абстрактному. Появление последнего совпадает с возникновением мысли. Отождествление различных содержаний происходит в рамках логического уравнения, в котором соединяются состав чувственного созерцания, продуктивного воображения и схемы рассудка. Метафоры, образы, сравнения, модельные аналогии есть исходные способы синтеза воображения на пути к понятию.

6. Развитие мысли от простой формы ко всеобщей, логико-категориальной аналогично логике развития стоимости от простой формы ко всеобщей, денежной и выражает собой растущую универсальность общественных отношений.

7. Логика метода развития категорий заключается в восхождении к конкретному путем движения мысли от генетически исходного, всеобщего определения целого к особенным определениям его частей и к синтезу особенных определений в конкретно-всеобщее. Детализацией такой логики являются схемы: род – многие единицы рода – род как целостность; целое само по себе – отношение между частями целого – отношение целого к самому себе. Всеобщее – особенное – единичное (В – О – Е) логически выражает социальную связь. Человек осознает род вещей потому, что он сам является родовым существом, оединиченным родом.

8. Чтобы сообщить логике созидательную направленность, следует включить в ее состав всеобщие формы теоретического, ценностного и практического освоения реальности человеком как существом разумным. При таком составе реальное мышление получит полное теоретическое выражение.

9. В отличие от душевного уровня психики духовному уровню субъекта присущи верховенство внутреннего опыта над внешним, целостность главных творческих сил, любовь и воля к совершенству, к объективно лучшим содержаниям, всеобщность значений, автономия разума и воли и следующие из автономии самоопределение, самоорганизация, самоуправление, нормотворчество.

10. Целостный духовный акт есть согласованность понятийного мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания, нравственной воли, одухотворенной веры, совести и любящего сердца. Единство этих сил дарует полноту миропонимания и переживания, свободную от односторонних крайностей, интегральное социальное мышление.

11. Связке «чувственное созерцание – воображение – рассудок» соответствует на духовном уровне связь «сердце – духовное созерцание – разум». «Сердце» есть сосредоточие чувств, возникающих от переживания значений. Аксиологический

синтез «сердца» осуществляется на основе однородного чувства совершенства и проявляется в верховных ценностях истины, добра и красоты, в стремлении веры к божеству как полноте совершенства. Любящее «сердце» сообщает остальным силам (мышлению, воле, чувствам, воображению и др.) направленность на достойный предмет. Возникающее из «сердца» духовное созерцание содержит в себе эвристические ресурсы всех иных сил и дарует духовную очевидность. Метод отечественной философии и науки – метод духовного созерцания целостности предмета. Из этого метода следуют фундаментальность науки и философии. Аксиологический синтез сердца дополняет логический синтез рассудка; тем самым образуется полнота субъективности в восприятии и преобразовании реальности.

12. Основанием культуры мировоззрения является согласованность таких аспектов, как логический, психологический, социально-творческий, гносеологический, креативно-антропологический, аксиологический и метафизический.

13. Инвариантная структура гуманитарного образования включает уровни: духовно-ценностный (аксиологический), креативно-антропологический (развитие всеобщих по значению способностей) и социально-технологический. Эти уровни есть предпосылки для воспитания социальной компетентности. Оптимальная модель выпускника вуза – специалист, соединяющий в себе социальную и профессиональную формы компетентности и выступающий как культурный человек, нравственная личность, творческая индивидуальность, социально компетентный гражданин, профессионально компетентный специалист и патриот России, открытый к продуктивному диалогу с иными культурами.

14. Раскрыты родовая особенность всеобщего труда и его личностная и социокультурная креативность.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты исследования значимы для разработки философской диалектики; для конкретизации аксиологического синтеза; в разработке философии совершенства, столь необходимой для духовной солидарности, прорыва России к культурному расцвету, достоинству и благополучию. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах «История и философия науки» для аспирантов и соискателей, «Философия» для студентов, а также в спецкурсах по аксиологии, теории мышления и духовно-ценностным основам гуманитарного образования.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на докторантском семинаре в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Основные результаты исследования докладывались автором на 8-ми международных, 39-ти всероссийских научно-практических конференциях, в частности в Красноярске (1993), Барнауле (1995), Омске, (1994, 1995); Томске (1996), Кургане (1998, 2003, 2006), Екатеринбурге (1994, 1996, 1997, 1998, 1999, 2001, 2003, 2004, 2005, 2006), Челябинске (2004). По материалам исследования автор вел спецкурсы «Социальная природа и творческая сущность мышления»; «Философия совершенства И. А. Ильина». Положения диссертации были использованы автором в качестве одного из разработчиков при написании концепции развития Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ – 2003 г.), а также при создании концепции воспитания в РГППУ (2006 г.).

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 12 параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем текста диссертации – 542 с. Список литературы включает 460 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрываются актуальность и разработанность темы исследования, выявляются малоисследованные аспекты проблем, определяются цель, задачи и методология исследования, излагаются научная новизна, положения, выносимые на защиту и научно-практическая значимость работы.

В первой главе **«ОБЩЕСТВЕННО-МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ»** в порядке постановки вопроса выясняются продуктивные идеи И. Канта о мышлении, раскрываются реальные общественные процессы (онтологический аспект), служащие основой понимания тех особенностей формирования логических категорий, которые рассматриваются во второй главе.

В § 1 **«Решение И. Кантом проблемы формирования логических категорий»** реконструируются актуальные идеи Канта о мышлении. Выводы из анализа задают направление всему дальнейшему исследованию.

Кант применил субстанциальный метод в осмыслении мышления: категории он свел к однородной самодеятельности «Я» (субстрату апперцепции) и из самодеятельности «Я» вывел категории как способы приведения чувственно многообразных содержаний к единству самосознания. Парадигма понимания конкретной и абстрактной сторон деятельности, принцип субстанциальности были применены К. Марксом в «Капитале».

Кант отверг эмпиризм и рационализм в объяснении генезиса категорий: явления не доказывают, что следствие возникает с необходимостью; тезис о врожденности категорий отрицает объективное значение суждений. Кант ставит вопрос антиномично – категории не заданы ни объектом, ни субъектом; они становятся в деятельности и созданы «нами самими». Он исследует «субъективные источники» априорных форм опыта – «чувство, воображение, апперцепцию». Чувственность – природная материя, определяемая извне; область многообразного без единства. Рассудок – «спонтанная самодеятельность», область единства без многообразного. Посредником может быть нечто третье, однородное с категориями и с явлениями. Такова чистая временная схема продуктивного воображения. Идея о такой схеме гениальна тем, что она представляет в сознании производство реального предмета в актах труда.

Схема есть временная последовательность действий по производству идеальных предметов. Общность схемы не индуктивная, а конструктивно-порожденная. Схема не образ, а метод производства отношений, форм; проект не единичного предмета, а предмета-рода. Способ построения идеального предмета закрепляется в форме правила, которое становится понятием. Понять предмет – значит построить его в стихии самодеятельного «Я». Идеальный предмет применим к явлениям потому, что и явления существуют во времени и воссоздаются субъектом тоже через последовательность действий. Дело опыта подтвердить правило мысленного производства предмета или внести коррективы. Идеальный предмет произведен из однородной деятельности, без чувственного материала, он выступает как «микроидеал» для класса эмпирических предметов; задает «поле восприятия» соответствующих себе реальных эквивалентов и определяет «разрешающую способность» интеллектуальной оптики созерцания реальности.

Процессы моделирования формы предмета отделяют деятельный компонент от чувственного и порождают в психике область однородной деятельности по конструированию связей. Психика поляризуется на перцепцию и апперцепцию, на чувственность и рассудок. Нераздельность чувственного и деятельного сохраняется благодаря воображению: чувственность – воображение – рассудок. Микросхемы воображения в актах мышления генерализируются до макросхем – категорий. Категории вначале являются производными от работы продуктивного воображения, а затем они превращаются в «макросхемы» мышления, направляющие работу воображения, его синтез. Так и деньги: они порождаются товарообменом; но раз возник общепризнанный способ представлять стоимость товаров единообразно, то деньги, их вложение, определяют движение товарной массы. Всеобщее берет верх над единичным, как это происходит и в иных областях.

Роль апперцепции, по мнению диссертанта, не оценена должным образом в философии и психологии; эту роль автор обосновывает тем, что апперцепция:

- есть однородная деятельность, адекватная для мысленного воспроизводства формы, структуры предмета;

- обладая *себетождественностью* в смене чувственных состояний, обеспечивает синтез многообразного в единство, понимание субъектом устойчивого в изменчивом, принципов сохранения (количества движения, энергии, массы и др.), тождественного в различном, единого в многообразном;

- как сверхчувственная, а, значит, и вневременная инстанция, позволяет понимать вечность, выходить за рамки времени;

- будучи свободной, является необходимой предпосылкой для модельно-проективной и рефлексивной функций мышления; позволяет мышлению не сращиваться со своими построениями, моделировать новые варианты действий, общения и мышления и оставаться вовне своих построений; т. е. позволяет мышлению быть универсальным, выходить за рамки всяких программ, быть самопрограммируемым, производить модели по меркам любых вещей;

- как свободная самодеятельность, есть предпосылка субъектности личности – самоопределения и, далее, самоуправления, самовоспитания и др. «само», а также всех видов творчества;

- будучи однородной, синтезирует чувственно различные качества, а также различные значения в целое; Ф. Энгельс отмечал эту способность: «всегда одно и то же “я” вбирает в себя все эти различные чувственные впечатления, перерабатывает их и, таким образом, объединяет в одно целое».

«Чистое “Я” – чувственность» есть тот аналог, согласно которому сознание делит мир на устойчивый и изменчивый, вечный и временной. Как чистое «Я» сохраняет себя в смене чувственных состояний, упорядочивает их, так же невидимый мир мыслится по отношению к видимому: древние греки за видимым космосом искали логос, который изнутри соединяет («синтезирует») видимые части в целое, Спиноза мыслил умопостигаемую субстанцию как «*causa sui*», которая самодвижна, действует по собственной необходимости, свободно, пребывает во всех своих состояниях, «модусах», оставаясь себетождественной, т.е. ведет себя как наше «Я».

Перцепция и апперцепция – крайние полюсы. Спасительным для субъекта является посредник между ними – продуктивное воображение. Без него в сознании возникли бы два параллельных ряда значений – единичных и всеобщих, причем, без их взаимной связи. В чувственном восприятии реальность дана как множество без единства, в аспекте качества, изменчивости, единичного; рассудок воспроизводит ту

же реальность с ее внутренней стороны – устойчивого, тождественного, необходимого, всеобщего, единого. Воображение соединяет в себе противоположности, делая возможными метафоры, образы, сравнения, аналогии, схватывая через них целое раньше частей, в отдельном случае – его всеобщее содержание. Оно, по мысли С. Н. Мареева, переводит «время в пространство». В параграфе дан критический анализ идей Канта о мышлении и сделаны следующие выводы:

1. Принцип производства является у И. Канта определяющим не только в отношении мышления, но и воли, эстетического созерцания. Этот принцип проводится в последующих параграфах первой главы диссертации. Развитый Кантом принцип производства идеальной предметности предстал у К. Маркса как принцип самопроизводства людьми материальных, социальных и идеальных форм. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот» (К. Н. Любутин).

2. Из одной внешнепредметной деятельности категории не выводимы без привлечения общественной формы – общения и общественных отношений.

3. Содержательное мышление реализуется в операциях культурно-исторического порядка, которые складываются в надындивидуальной системе общественного разделения труда, вбирают в себя заключенные в орудиях комбинации отношений и служат первичными микросхемами синтеза.

4. Раздвоение сенсомоторных действий на конкретные и абстрактные операции порождает поляризацию психики на чувственную и логическую сферы. В первой доминирует чувственно-образное отражение реальности, во второй – дискурсивно-операциональное. Единство в предмете непосредственных и опосредствованных связей преобразуется на стороне субъекта в единство чувственно-конкретных и абстрактных действий и выступает в сознание как единство конкретного и абстрактного содержания мысли в рамках особого образования – исходной мыслеобразующей формы, которая рассматривается в § 1 второй главы диссертации.

В § 2 «*Социально-технологическая основа категориального мышления*» раскрывается взаимовлияние материального и идеального в общественном процессе в структурно-функциональном и историческом аспектах; факторы, обуславливающие объективность, рациональность, опосредствованность, всеобщность и универсальность мышления. Вначале такие факторы анализируются в технологическом отношении человека к природе (§ 2), затем – в системе отношений между людьми (§ 3).

Методологическим является следующее положение. В состав общественного человека входит тело неорганическое, функционально-предметное. С появлением внешней надставки над естественным телом возникает одновременно и «внутренняя надставка» в психике – сознание, направляющее функционирование неорганического тела. Неорганическое тело есть искусственные органы мышления и воли: техника материальная для обработки природы, техника социальная «для обработки людей людьми» (социальные организации) и техника интеллектуальная для обработки идеальной реальности, тех значений, которые функционируют в головах людей. Социальная техника в отличие от материальной не вещественна, она образована исключительно из отношений, из их координации и субординации. Поэтому она «чувственно-сверхчувственная» и постигается умозрением, как и всякие отношения. Понятие неорганического тела позволяет исследовать состав мышления объективно –

по тем предметным органам практики, функционирование которых направляется и регулируется сознанием.

Функционирование предметных органов практики опосредствуется мышлением с такой же необходимостью, с какой действующие биологические органы предполагают психофизиологические регулятивные процессы. Вне обслуживания органов практики мышление не продуцирует объективные по содержанию и общезначимые мыслительные формы, ибо оно не располагает ни источником объективности, ни реальной силой, внедряющей в духовный обмен эти формы и поддерживающей их. Вне опоры на предметные органы именно общественной практики формы мысли размываются давлением чувственных данных. Функционирующие органы практики диктуют субъектам схемы мысли, которые нельзя отменить по желанию потому, что они функционально необходимы для обслуживания исторически конкретных орудийных и социальных структур. Это – «общественно значимые, объективные мыслительные формы» (К. Маркс). Обновляя предметные органы практики, люди обновляют и схемы практико-функционального мышления, а через них и логико-категориальные структуры, «прочно сидевшие» ранее в мышлении. Прежние схемы интеллектуально устаревают, так как не могут направлять и регулировать новые обстоятельства.

Общественно – материальная основа включает: объективные отношения, составляющие предметное содержание мышления; фиксацию этих отношений в их абстрактной определенности в искусственных органах общественной практики (материальной и социальной технике); перевод этих отношений в формы деятельности субъекта и в его мыслительные схемы в процессе оперирования орудиями и управления социальными организациями; особую форму субъектности – совокупного субъекта общественной практики, с позиций которого только и можно понять коллективный характер категоризации; способ объективации технологической деятельности, аккумулирующей в себе предметные связи – инструмент, машина, автомат; разделение труда, порождающее определенность трудовых операций и тем самым – определенность и разнообразие эмпирических схем мышления; обмен формами деятельности в общественных отношениях; формы собственности, обуславливающие степень универсальности общения и общественных отношений, а значит и мышления; социокультурные формы осуществления деятельности субъектов; материальное средство духовного обмена – язык, фиксирующий способы деятельности и общения и переводящий эти способы в моменты сознания в виде значений; практико-функциональный уровень мышления и сознания, которые непосредственно включены в функционирование органов общественной практики, направляют и регулируют их функционирование и выступают как технологически необходимый идеальный фактор социальной системы, как ее «самоотображение», идеально опосредствующее функционирование всех ее звеньев – как материально-технологическое освоение природы, так и общение, и общественные отношения между людьми.

В параграфе раскрывается значение каждого из факторов, начиная с процесса труда. В предметных органах практики реальные связи выделяются и фиксируются в абстрактной определенности, получают первичную практическую коллективную категоризацию и переводятся в процессе оперирования в мыслительные отношения, в микросхемы мысли, которые составляют исходный материал формирования рациональных структур. Операции содержательного мышления всегда даны в социально-технологическом обрамлении. Например, Гарвей использовал схему

насоса при уяснении работы сердца. Прозаическая связь «фундамент – надстройка» создается при постройке жилища, превращается в регулятив деятельности, освобождается от частных деталей и становится исходным пунктом обобщения подобных же действий в различных областях; возникает способ мыслить предмет с позиций уже обобщенной схемы: основа – обоснованное, «базис – надстройка». Способ конструирования реальной связи становится и способом производства идеальной предметности. Раздел гегелевской логики «Учение о сущности» посвящен именно основанию.

Практическое конструирование предметных абстракций тем превосходит мысленное конструирование, что связи соединяются в новые структуры на материальном субстрате. Достаточно один раз практически замкнуть связи в новую структуру при определенных условиях, чтобы избежать надобности доказывать необходимый характер новой структуры. Ибо такая структура с необходимостью следует из специфической материальности предмета, а не из структур апперцепции. Одна действующая паровая машина доказывает «аподиктичность» положений термодинамики исчерпывающим образом. В практическом конструировании кванторы всеобщности и единичности совпадают. Субъекты сами порождают новые структуры и причинные ряды из природного материала и из взаимных отношений. Такие структуры отделяются от предметной наполненности и преобразуются в «монограмму», модельную аналогию по освоению чувственных данных. Формирование схем мышления в научной практике конкретно раскрыл В. С. Степин.

В образовании микросхем мысли решающими являются: выделенность реальных связей в ту или иную предметную структуру; включенность ее в массовую практику из-за ее общественной значимости; перевод абстрактно выделенных реальных связей в схему реального действия, а затем и в схему мышления; общественно значимый характер предметной структуры, возможность оперирования ею различными индивидами, что позволяет фиксировать инвариант схемы-действия; фиксация инварианта термином и включение его как схемы мысли в общественный оборот; закрепление такого термина в словаре; генерализация родственных микросхем мысли в их единый мыслительный эквивалент на основе общения. В параграфе подробно рассматривается влияние на формирование логико-категориальных структур мануфактурного разделения труда, производства на основе машинного базиса.

В § 3 «Общественные отношения как конкретное основание категориального мышления» излагается влияние экономических и других отношений на образование категориального мышления. Методологическим положением является первичность социальной связи, которая составляет для людей ведущий мотив, смысл и критерий для оценок всех их построений. В. И. Плотников подчеркивает, что труд мог возникнуть *«только в качестве элементарной социальной связи»* (первичной производственной группы), содержащей «в возможности и труд, и сознание, и речь, и культуру, и социальные институты, и самого человека»¹.

Социальный обмен сообщает общественной форме определенность и устойчивость, отвлекаясь от индивидуальных особенностей индивидов. С интенсивностью общения развивается общая форма объективации сознания – язык, с развитием обмена между общинами возникает всеобщая форма продуктов – товар; с развитием торговли и технической кооперации утверждаются единые и

¹ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. – Свердловск, 1975, с. 116.

общезначимые меры стоимости, длительности и др., а также единые мыслительные меры – логические категории.

Духовный обмен принуждает стороны общения использовать общепонятные аналогии социального опыта. Общие, т. е. общественные отношения, принуждают мышление к обобщению значений. Как товарообмен сводит локальные меры стоимости к единой и всеобщей мере, так и духовный обмен принуждает к обобщению частных микросхем мысли до всеобщих форм, исполняющих интеллектуально-коммуникативную функцию единого связывания и истолкования чувственных восприятий. С увеличением диапазона общественных отношений возрастает степень обобщенности значений. Категориальное мышление возникло в городах, где коммуникативные процессы протекали интенсивно. Всеобщность значений – выражение общественности человека.

Влияние общественных отношений раскрываются следующим образом.

1. Меновые отношения производства развивают общественные отношения ко все большей универсальности. Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей все к единому параметру – стоимостному. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое сам же капитал и развивает.

Растущая универсальность общения, общественных отношений – ближайшая причина всеобщности и универсальности мышления. Опосредствуя такие отношения, «мышление носит такой же характер универсальности» (Ф. Энгельс). Содержание психики становится «трансцендентальной», т. е. оформленной всеобщими, общественно-значимыми формами, которые сложились в крупных по масштабу общностях и отношениях. Такие формы вырастают из общего, общественного тела в виде кооперированной деятельности и общественных отношений, хотя и при посредстве органического тела и психики индивида. Степень универсальности мышления определяет и степень его объективности. Мировое производство и мировой обмен формируют родовое самосознание.

Осознавая себя оединичным родом, субъект осознает и природные связи в единстве всеобщего (родового), частного (видового) и единичного. Реальная общественная связь (социум – общность – личность) с ее градацией на всеобщее, особенное и единичное (В – О – Е) пронизывает всякое общее дело, всю жизнь человека, закреплена в фамилии (В), отчестве (О) и имени (Е) лица, раскрыта субъекту в каждый момент его жизни экзистенциально и достоверно. В силу атрибутивности такой связи она становится и всеобщим способом понятийного мышления; субъект «делает своим предметом род – как свой собственный, так и прочих вещей» (К. Маркс). Понятие определяется через род и видовое отличие, по схеме: единичное = всеобщее + особенное. Категории в «Науке логики» Гегеля выводятся на основе отношения В – О – Е; фигуры силлогизмов, как открыл Гегель, своим формальным составом представляют разные комбинации этих же отношений. «Выходит, что логические категории прямо вытекают из наших отношений», – замечал К. Маркс по этому поводу в письме Ф. Энгельсу². «Категориальные формы», по мысли Л. М. Косарева, «будучи по генезису формами социальных отношений, наполняются природным содержанием настолько, что социальный генезис этих форм утопает в натуральном теле физического закона»³.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. – М., 1964, с. 45.

³ Косарева Л. М. Предмет науки. – М., 1977, с. 138.

2. Всеобщее развитие меновых отношений привело к тотальному овещнению социальности. Овещнение отношений противопоставило их субъекту объективно, что способствовало в противоречивой форме выделению субъекта из этих отношений, дистанцированию к ним по схеме «объект – субъект». Стоимость равнодушна к содержанию товара. Стоимостные отношения развили способность головы абстрагироваться от всяких вещественных составов, развили силу абстракции. Овещнение отношений полагает индивидов в абстрактно-всеобщей форме, игнорируя индивидуальные черты персонификаторов отношений. Абстрактно – всеобщее понимание распространяется на природу и утверждается как особенность понимания реальности в науке Нового времени.

3. Меновые отношения породили абстрактную деятельность как массовый фактор. Абстракция «труда вообще» порождена практическим абстрагированием: индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому; труд «не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще»⁴ (К. Маркс). Это экономическое отношение входит в массовое практико-функциональное мышление и задает абстрактное однородное мыслительное поле и теоретическому мышлению. Измерение абстрактного труда нуждается в однородном времени. В сознание агентов производства и обмена внедряется взгляд на время и пространство как на нечто однородное. Такая однородность была утверждена онтологически, а потому и логически. В философии Гоббса, отмечает Л. М. Косарева, проявился категориальный аппарат (категории количества, однородного пространства и времени, механической причинности), характеризующий научный способ мышления. Эти категории выражали «абстрактно-формальный срез действительности, выявленный абстрактно-формальной деятельностью, которая стала всеобщей стихией в Европе Нового времени»⁵.

4. Меновые отношения резко повысили степень опосредствования общественных отношений, динамизировали социальные процессы, утвердили в массовом сознании подвижные опосредствующие и обобщенные структуры мышления, невозможные в традиционных аграрных обществах феодальной эпохи. Каждый раз новым посредником является форма стоимости, персонифицированная в капиталисте, купце, маклере, банкире, финансисте. Капитал превращается в круговорот капиталов денежного, промышленного, торгового, финансового. С превращением экономического основания в текучий процесс опосредствования динамизируются все иные отношения и соответствующие им формы сознания. Возникает практико-функциональное мышление, способное соединять воедино далеко отстоящие друг от друга звенья обширных процессов. Не результат, а длящийся процесс выступает в мышлении на первый план, например, в диалектике Гегеля и Маркса.

5. Люди производят не только материальные структуры, но и оформляют отношения в организации, будь то трудовой коллектив или государство. Структурирование общественных форм есть практическая коллективная, институциональная категоризация отношений; она проходит через сознание субъектов, опосредствуется их мышлением, которое направляет, регулирует, оценивает и контролирует реальную категоризацию – права и обязанности лиц, их статусы. Без опоры на институциональную категоризацию идеальная категоризация,

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. Т. 46, ч. 1. – М., 1968, с. 41.

⁵ Косарева Л. М. Предмет науки. – М., 1977, с. 61 – 62, 67.

не востребованная общественным процессом, переходит в разряд исторической памяти.

6. Экономические и правовые отношения рационализируют мышление в аспекте формы, структуры. Отношения ценностного плана (нравственные, религиозные, эстетические) возвышают сознание до всеобщих ценностей и через духовные чувства окольным путем, минуя рассудочные инстанции, возносят психику до всеобщих духовных мер – нравственных, религиозных и эстетических. А ценностное сознание захватывает мышление и волю целиком. Инстанцией, которая сосредоточивает в себе такие меры, есть не рассудок, а «сердце» как сосредоточие духовных чувств. Логический синтез и его продукты носят инструментальный характер. Аксиологический синтез более значим в жизненном отношении. Ценности направляет мышление и волю. В развитии культуры категориального мышления нравственные, религиозные и эстетические отношения являются в не меньшей степени категориальнообразующими. Социальная связь абсолютна для людей. Нравственность же есть ее адекватная форма во всеобщем и чистом выражении. Всеобщность ее повелений без особых затруднений возносит сознание на уровень всеобщности. Практический разум (нравственная воля) – лучший диалектик, он схватывает за эмпирическими различиями тождественность достоинства различных лиц, за многообразием деяний – единство нравственных повелений, за единичным поступком – его всеобщую нравственную значимость, за повседневной реальностью – реальность умопостигаемую, должную и разумную.

В процессе категоризации существует закономерность в виде схемы: $E \rightarrow B \rightarrow O$. Как только субъект (E) становится актором общего дела, то его деятельность получает печать всеобщей формы (B), которая регламентирует индивидуальную активность, преобразуется в цель, направляет мышление и волю. Иначе индивид из-за своеволия подвергнется остракизму. Это – первое отрицание единичного всеобщим. Субъект приводит всеобщие формы в соответствие с собственными интересами, целями. Синтез всеобщего и единичного завершается в особенном (O) содержании его жизнедеятельности. Возникает второе отрицание – абстрактно всеобщие формы функционируют в определенном материале деятельности субъектов автономной воли. Там, где товарно-денежная связь и правовая регуляция проникают во все сферы и поры общества, всегда доминируют рациональность, прагматика, технологии, параметры технической оптимальности ценой ослабления аксиологии «сердца». Запад дал технику жизни, а Восток – мировые религии.

Основное содержание § 4 *«Тенденции развития социокультурных основ логико-категориального мышления»* состоит в развитии идеи об основных периодах истории: «дикость – варварство – цивилизация». Четвертым периодом является, согласно диссертанту, культура как грядущая ступень истории. Рассмотрены особенность современной цивилизации как техногенной, выявлены те «мины», которые неизбежно приведут к прорыву из техногенного общества к креативно-антропогенному обществу с новыми параметрами производства средств жизни и социального производства общественных отношений и сознания. Экономикоцентризм с его редукцией культуры до стоимостных показателей (максимум прибыли, минимум нравственности), социал-расизм в отношении к «неприспособленным», «постнравственная» и «постправовая» политика с позиций силы по отношению к государствам, защищающим национальную культуру и экономику, и другие факторы свидетельствуют о завершении цикла

технологической цивилизации, и о необходимости утверждения новой ценностной доминанты для качественно иной социальности.

Превращение социальной связи с ее прежними формами овещения в человеческую общность откроют простор для реализации универсальных возможностей человека как культурно-исторического существа. В параграфе рассматриваются объективные и субъективные основы универсальности человека. Вектор исторического саморазвития заключается в самоосвобождении людей от природной и социальной стихии на тернистом пути восхождения к большей свободе большего числа людей, к духовному совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию единства человеческого рода.

Автор раскрывает социокультурную основу диалектического мышления: самодеятельность, соревнование и самообновление людей путем обновления предметного мира богатства форм деятельности, общения и мышления. Деятельность по изменению предмета развивается в самодеятельность, т.е. в свободную самонаправленную деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к человеческим продуктивно-творческим силам, которые запечатлены в предмете. Поэтому, по мысли Маркса, «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т. д. *самоустремлены*; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»⁶.

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем выхождения за границы уже достигнутого, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выхождение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общеинтересной новизны. Такое трансцендирование классически выразил К. Маркс: «чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁷. Такое движение осуществляется как самообновление людей путем обновления форм

⁶ Маркс К. Экономическо – философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. – М., 1974, с. 160.

⁷ Маркс К. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. Т. 46, ч. 1. – М., 1968, с. 476.

и выражается адекватно в диалектическом мышлении. Ибо «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»⁸.

В заключение главы дается типология: общественно-материальная основа категориального мышления различается на три типа: на субъективный, объективный и универсальный (субъектный) в зависимости от строения производства, общественных отношений и сознания.

1. Производство имеет субъективное строение потому, что главным технологическим фактором выступают живые индивиды; оно включает ручной труд и инструментальный этап техники. Целью труда выступает потребительная стоимость, так как обмен еще не подчинил себе производство. Такая цель не содержит в себе установки на выход за рамки исходного пункта, на что указывает схема простого товарного производства ($T - D - T$). Ориентация на потребительную ценность задает традиционное воспроизводство образа жизни, продуцирует узкие общественные, а значит и духовные формы, создает местного человека и местную социальность. Субъективное строение присуще и общественным отношениям: в них доминирует личная зависимость и естественные общности, естественное право, традиции как регулятор поведения; идентичность тоже локальна. Субъективное строение присуще и мышлению, сознанию. Понятия носят эмпирический характер. Ценностное миропонимание доминирует над логическим, реальность берется, в первую очередь, в аспекте ее значимости по отношению к потребностям и интересам человека. Скрытые, невидимые связи истолковываются по образу и подобию субъективности человека. Рациональное мышление не освободилось от суггестии мифа. В сознании еще не сложился устойчивый способ мыслить и воспринимать реальность по схеме «объект – субъект», которая предполагает развитую систему посредников в отношении субъекта к природе и в отношениях между индивидами.

2. Производство имеет объективное строение, так как центр тяжести смещается с живого труда, на предметные органы (систему машин); оно включает технологическое применение науки и репродуктивный труд рабочих. Целью производства является прибавочная стоимость; эта цель всеобща, так как всеобща субстанция стоимости – труд. Схема производства ($D - T - D'$) указывает на беспредельность, что ведет к универсализации общения. Объективное строение свойственно общественным отношениям в форме вещной зависимости. Человеческая связь, естественные общности превращаются в побочные по сравнению с объединениями, которые выросли из экономических, производственных, политико-правовых процессов. Объединения людей скрепляются экономическими, технологическими, правовыми и политическими узами. Объективное строение присуще и мышлению, сознанию: объективный метод осознания реальности становится доминирующим; наука осознается как единственно верный способ ориентации в мире; логическое сознание берет верх над ценностным. Мыслительные процессы достигают высшей степени всеобщности, опосредствованности, рациональности, операциональности, конструктивности. Эталонными в науке становятся тексты с однозначными терминами, со строгой логической последовательностью, с прозрачной операциональностью и конструктивной значимостью понятий. Понятия должны быть доведены до операциональной осуществимости, ибо они не только отражают, но и служат проектами будущих продуктов. «Чудо» исключается из науки, так как оно разрывает строгую

⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. Т. 46, ч. 2. – М., 1974, с. 35.

детерминацию в производстве и не переводимо на определенную операциональную последовательность.

3. Из объективного типа вырастает универсальное (субъектное) строение производства, общественных отношений и сознания. Капитал есть накопленный труд, и сам по себе он не имеет иного субстрата. Самовозрастание капитала, его выход за пределы достигнутого скрывают за вещной оболочкой креативное человеческое содержание, расширенную схему человеческого самообновления: продуктивно-творческие силы → их объективации → прирост и обновление этих сил. Накопление капитала сменяется накоплением всеобщей идеальной предметности, представленной в культуре. Техногенное общество неизбежно сменяется креативно-антропогенным обществом самодеятельности, а престижность вещного богатства – личностной формой богатства, креативностью субъекта. Производство средств жизни все более основывается на автоматизированной техносфере с наукоемкой техникой, которая предполагает и наукоемкий интеллект работников с научной подготовкой. Благодаря передаче технике интеллектуальной функции техносфера и работники подлежат постоянному обновлению. Меновые отношения сбрасывают загадочность товарной формы: за движением товаров субъекты видят движение своих собственных трудозатрат. На первый план выйдет не производство средств жизни (материальное производство), а культурное воспроизводство поколений, поэтому социальная сфера общества будет главной (то, ради чего). Культурное воспроизводство людей станет главным содержанием общественных отношений, и тем самым отношения между людьми станут непосредственно-общественными, без анонимности разного рода факторов, которые вступают между собой в особые надчеловеческие отношения. Рассеется товарный и политический фетишизм. Социальные институты примут адекватную форму – органов коллективной воли для самоорганизации и самоуправления граждан. Ценностно-нейтральный стиль научного мышления, выросший из фабрично-заводского уклада, будет преодолен. В. И. Кашперский прогнозирует четвертый тип рациональности – «онтоантропологический», сменяющий собой античный, религиозно-христианский и научный типы. Объективное понимание реальности будет дополнено равноценным компонентом – ценностным пониманием и переживанием; разум и сердце – это два крыла духовного полета творческой индивидуальности, не изуродованной технической цивилизацией в одномерный логический интеллект. Субъектное строение социальности приводит в соответствие универсальную сущность человека с его существованием, ранее ограниченным как орудийным фондом, так и ставшей узкой стоимостной формой. Предвидение К. Маркса о социокультурной динамике в целом верно: «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества) → «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность) → «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние». Поэтапное преобразование социальной связи из ее вещной формы в человеческую общность при верховенстве нравственных императивов составляет глубинное содержание и смысл преобразования техногенной цивилизации в новую историческую ступень – культуру. Разумеется, типология представлена в чистом виде, как и всякая научная абстракция.

Содержание **второй главы «ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ»** организовано следующей идеей. Развитие формы стоимости от

простой (единичной) формы к особенной и ко всеобщей, как это раскрыто в первой главе первого тома «Капитала», есть одно из проявлений общей закономерности, присущей образованию и иным мер – времени, количества и др., а также формированию всеобщих мыслительных мер – логических категорий.

В § 1 «*Мыслеобразующая форма*» обосновывается роль функции представительства в образовании идеального, мышления. Автор исходит из теории идеального Э. В. Ильенкова и раскрывает, как на основе этой функции возникают всеобщие эквиваленты времени, количества и др., а также всеобщие мыслительные эквиваленты (логические категории). Разделяя идеи Канта и Ю. М. Борода о значении нравственности в антропогенезе⁹, автор выводит саму способность мышления из становления социальной связи в ее первичной форме – нравственной. Нравственные повеления – *всеобщие* и обращены к *воле*, пресекая аутизм психики индивида; такие требования произвольно переходят в общие схемы мышления; эти повеления ориентируют на *должное*, которое *представляется* индивидом; его психика раздваивается на внешний план и на внутренний, идеальное начинает направлять реальное поведение.

Открытое К. Марксом раздвоение формы стоимости на относительную и эквивалентные формы (сюртук = холст) есть частный случай общего способа представительства, каким субъект различает ту или иную определенность (вес, время и др.). Мысль тоже зарождается в акте представительства формы одного содержания другим содержанием в составе реального ментального образования – логического уравнения. Это уравнение есть *мыслеобразующая форма*, в которой соединяются материал чувственного созерцания, работа воображения и становящиеся схемы мысли. Отображаемая предметная структура получает в уравнении две формы – относительную (выражаемую) и эквивалентную (выражающую). Каждое содержание само по себе есть единство материи и формы (элементов и структуры). Оба содержания подобны по форме, различны по материи. Аналогичность формы есть основа уравнения. Но как только мы приравниваем различные (по материи) содержания, положение сразу меняется. Содержание левой стороны уравнения включает предмет в эмпирическом виде для теоретического уяснения, и только оно выражает свою форму. Содержание правой стороны функционирует только как представитель (эквивалент) этой формы; подобно тому как в стоимостном уравнении «холст = сюртук» сюртук выражает стоимость холста вне холста. Физик Нагаока уподобил расположение зарядов в атоме системе отношений «планеты–Солнце»: «конфигурация зарядов в атоме \approx планетарная система». Символ « \approx » означает операцию уподобления. В левой части уравнения находятся эмпирические данные, а в правой – модельная аналогия. Затем на место элементов планетарной системы были подставлены конструкты «электрон» и «положительно заряженная сфера в центре атома». Экспериментальные данные внесли запрос на более точную аналогю. Нагаока избрал в роли аналога электронных орбит вращающиеся кольца Сатурна: «конфигурация зарядов в атоме \approx кольца Сатурна». Соединив эту сеть отношений с конструктами электродинамики, он получил «гипотетическую модель строения атома»¹⁰. Так как образ Сатурна важен только в качестве аналога структуры атомных зарядов, то он редуцируется до рациональной схемы. Функция представительства сводит содержание правой стороны к содержанию формальному.

⁹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. – М., 1996.

¹⁰ Степин В. С. Становление научной теории. – Минск, 1976, с.108.

Каждое из содержаний есть единство материи и формы, элементов и структуры. Пусть «е» обозначает элементы (e_1, e_2 , и т.д.) «S» – структуру (S_1, S_2), « \approx » – уподобление. Вне уравнения оба содержания сами по себе будут иметь вид $e_1 S_1 e_2$ и $e_3 S_2 e_4$. В рамках уравнения их вид сразу меняется, так как различие ролей изменяет каждое содержание. Структура содержания левой стороны уравнения скрыта ($e_1 \dots e_2$), ее предстоит выявить путем *модельного уподобления* структуре другого содержания, которая уже известна. Содержание правой стороны выступает в роли представителя структуры иного содержания, его элементный состав особого значения не имеет, он опускается (...) S_2 (...); содержание правой стороны превращается в содержание *формальное*, в прозрачный *структурный* кристалл, в *аналог* структуры иного содержания. Логическое уравнение примет вид: $e_1 (\dots) e_2 \approx (\dots) S_2 (\dots)$. Пустые скобки в левой части означают, что предмет дан в *чувственном* созерцании как собрание отдельных явлений, внутренняя связь между которыми (S) созерцанию не дана. Пустые скобки в правой части означают, что элементный состав сам по себе не важен, он имеет значение лишь в той мере, в какой необходим для представления структуры другого содержания. На каждой стороне уравнения реально положено то, что идеально предположено на другой: на левой стороне положен элементный состав, а структура еще *скрыта*, на правой стороне представлена скрытая структура, а элементный состав снят. Полем согласования содержания конкретного и абстрактного является продуктивное воображение, которое переводит принудительное давление чувственных данных в русло антиципирующих и целенаправленных схем абстрактного содержания. Такое переводение есть истолкование состава созерцаний. Созерцание перестает быть «рабом» сенсорного поля. Нераздельность созерцания, воображения, рассудка представлена уравнением: $e_1 (\dots) e_2 \approx (\dots) S (\dots)$: левая часть означает состав созерцаний, правая – становящееся абстрактное содержание рассудка, знак подобия – сферу воображения. Мысль зарождается от озарения, догадки, а догадка первоисточком имеет метафору, образ и сравнение, которые осуществимы в составе уравнения. В параграфе подробно выясняются роль функции представительства, отождествления различного, гештальт-переключения. Метафоры, образы, сравнения, аналогии, мысленные эксперименты есть способы синтеза и моменты становления мысли до понятия. Подведение (точнее, взаимоподведение) преобразует содержание обеих сторон уравнения: факты понимаются в их возможной внутренней связи, а модельная аналогия перестает быть только аналогией и становится кристаллизацией нового знания. Модельная аналогия поставляет возможную связь между фактами, а факты сообщают этой аналогии новый содержательный смысл. Эвристический потенциал модельной аналогии объясняется следующим образом:

- понятие есть рациональный аналог формы предмета, его структуры, а форма оптимально интерпретируется в модельных представлениях;
- знание, выступающее в роли такой аналогии, содержит в себе прошлую мыслительную деятельность в виде определенной схемы, которую не надо создавать заново; такая схема мысли уже вошла в научный оборот и общепонятна;
- аналогия, будучи модельной, содержит структуру, которая поддается переносу с одной области знания на другую;
- структура выступает в модельной аналогии как обозримое целое, которое можно уподобить скрытой связи между фактами;

▪ благодаря модельной аналогии субъект схватывает целое раньше частей, и возникает догадка, инсайт, идея, гипотеза и др. Ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого.

Уподобление различных содержаний предполагает развитое продуктивное воображение, определенную общекультурную подготовку, эстетический вкус, ряд ассоциаций, образов из области искусства. Логическое мышление у своих истоков ничем не отличается от художественного. И для того и для другого вначале важны метафоры, образы, которые разворачиваются в сравнения. Только в логическом мышлении на его определенной стадии чувственная ткань образов испаряется, и схематизм мысли, передающий форму (структуру) предмета, становится конечным продуктом, в котором исчезли «строительные леса» – следы аналогий и т.п.

Логике уравнения составляет отождествление различного в виде представительства одним содержанием формы другого содержания. Гносеологической основой является процесс «гештальт – переключение», присущий интеллектуальной интуиции: подстановка в модель-аналог на место прежних элементов новых элементов (например, вместо планет – электронов и т.п.). Гештальт – переключение согласует конкретное содержание с абстрактным. Возникает «новое видение предмета»¹¹. Степень продуктивности в моделировании возможных связей зависит от объема значений сознания субъекта. Логическое уравнение, будучи оформлением поисковой мысли, полуэмпирично и полутеоретично. Соединяя данные опыта и модельные аналогии, оно есть гибкая форма, в которой зарождается новое знание. Заключение в мыслеобразующей форме противоречие между единичным и всеобщим ведет к развитию мысли от простой формы ко всеобщей.

Во § 2 *«Развитие мысли от простой формы ко всеобщей, логико-категориальной»* выясняются гносеологические особенности развития мысли до категориальной формы и функции категорий.

В рамках простой формы мысли отождествляются два различных содержания, два отдельных отношения, из которых одно служит аналогом другого. При этом недостаточно ясно, что является меняющимся содержанием, а что – устойчивой формой. Одно эмпирическое содержание-эквивалент не выражает адекватно всеобщую форму отношений. Это противоречие требует своего разрешения. В рамках особенной формы мысли всеобщая форма отношений выражается во многих содержаниях-эквивалентах. Разность многих эмпирических содержаний указывает на их несущественность и на существенность устойчивой формы как основы отождествления. Противоречие между всеобщностью выражаемой формы и многими эквивалентами этой формы разрешается через бесконечный ряд логических уравнений, так как особенные эквиваленты обременены эмпирическими компонентами и не могут адекватно выразить всеобщность формы того или иного отношения. Поэтому переход от особенной формы мысли ко всеобщей есть качественный скачок. Отмеченное противоречие разрешается тогда, когда одно содержание-эквивалент начинает быть единым представителем типа того или иного отношения. Функция представительства полностью освободит такое содержание от эмпирических включений, сделает прозрачной структурой и превратит во всеобщее абстрактное содержание-эквивалент. Всеобщность выражаемой формы и всеобщность выражаемого содержания эквивалента приходят к соответствию.

¹¹ Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний. // Природа научного познания. Логико-методологический аспект. – Минск, 1979, с.236.

Всеобщий единый общезначимый мыслительный эквивалент, аналог того или иного типа отношений есть логическая категория. В роли исходного абстрактного содержания всегда выступают те реальные отношения, которые втянуты в практический процесс, создаются субъектами деятельности; поэтому они понятны, очевидны и служат схемами истолкования подобных же отношений.

Становящееся абстрактное содержание сразу же исполняет активную роль синтеза. Подведение состава созерцаний под схему есть одновременно подведение схемы под состав созерцаний, что ведет к генерализации схемы. Экстраполяция абстрактного содержания на новые предметные области оборачивается его интерполяцией, новым обобщением и корректировкой. Расширяется диапазон новой экстраполяции. В развитии формы мысли решающим является многообразие связей, практически преобразуемых субъектами, и масштабность общения.

Далее раскрывается антропологический аспект становления логических категорий. Под таким аспектом понимаются телесно-чувственные, душевные и духовные процессы, которые осуществляются субъектом, им непосредственно переживаются и осознаются с очевидностью. Такие процессы не отчуждаемы от субъекта, имманентны и понятны ему как акты его собственной активности. В силу такой очевидности и понятности, данные процессы служат естественной основой уподоблений, аналогий, расширенных экстраполяций на иные процессы.

Человек осознает реальность в формах своей собственной активности, в аналогиях социального опыта. Так как внешняя вещь, писал Э. В. Ильенков, вообще дана человеку «лишь поскольку она вовлечена в процесс его деятельности, в итоговом продукте – в представлении – образ вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует эта вещь»¹². Содержание предмета становится понятным тогда, когда оно подводится под те формы преобразования реальности, которыми люди уже владеют, а значит и овладевают тем содержанием, которое подводится под такие формы. Чем более разнообразны и дифференцированы такие формы, тем выше степень адекватности в понимании реальности. Речь идет не об отрицании объективных связей, а о том, что люди осознают их в формах собственной активности, которая обусловлена орудийным фондом общества и типом социальных отношений. Эта обусловленность и позволяет объяснить историзм мышления.

Сила – это логическая категория, т.е. всеобщий способ мышления. Мы рассуждаем о силах атомных, политических, духовных. Сила присуща самому человеку и существует не только объективно («в себе»), но и субъективно («для-себя»). Данная человеку сила (мышечная и др.) служит исходным интуитивным представителем иных видов сил. Подобно тому, как один из единичных товаров начинает выступать всеобщим представителем стоимости всех товаров. В силе человека содержится родовая природа всякой силы – способность производить действие. Сила стала фактором логическим потому, что она – фактор онтологический. Подводя под форму силы эмпирический материал, мы его начинаем понимать именно потому, что мы сами владем силой и поэтому овладеваем эмпирическим материалом, подведенным под данную категорию, и понимаем его, а, понимая, начинаем властвовать над ним. Человек смотрит на мир через оптику деятельного преобразования этого мира. Ж. Пиаже выстраивает такую последовательность в осознании причинности: сенсомоторная (тактильно-кинестетическая) причинность →

¹² Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974., с.203.

визуальная причинность → понятийная причинность¹³. Онтологически нет различия в том, ребенок ли подбросил воздушный шар, или порыв ветра приподнял его. Действия субъекта онтологически эквивалентны действиям предметов друг на друга. Поэтому действия субъекта могут стать представителем иных причинных действий. Когда субъекты сами порождают причинные ряды в природной и социальной реальности, тогда они и постигают причинность. Ибо причинность превращена в орган сознательной воли, в средства реализации целей; причинность получает двойное бытие – реальное и идеальное.

Выяснив объективные и субъективные основы образования категорий, автор раскрывает их функции – синтеза, понимания, отражения, эвристическую, методологическую, предвосхищения, уплотнения знания, научно-коммуникативную, культурологическую, познавательно-оценочную, а также эффект «оборачивания метода» применительно к категориям, которые подобно символическому дифференциальному коэффициенту становятся «самостоятельным исходным пунктом, реальный эквивалент которого лишь должен быть найден»¹⁴.

Познавательно-оценочная функция позволяет понять степень глубины и полноты в идеальном воссоздании предмета – отображается ли он в определениях наличного бытия (качество – количества – мера) или сущности (основания предмета или его обоснованной части, целого или частей) или полно, в единстве сущности и существования – в аспекте действительности (необходимости, причинности и др.). По мере углубления в онтологическую модальность (от бытия к действительности) нарастает и степень конкретности. Восхождение к конкретному соответствует большей свободе в практических делах. Категория меры более значима, чем категории качества или количества. Но знание меры не отвечает на вопрос, почему предмету присуща такая мера, а не иная; почему, например, 20 аршин холста обмениваются на 1 сюртук, а не на 10 сюртуков.

Отношение категорий к тем или иным понятиям подобно отношению общей форме математического уравнения к его многообразным частным значениям. Категории сами по себе не дают знания о предмете, они есть лишь общие способы мыслить предмет так или иначе. В реальном процессе мышления между содержанием живого созерцания и категорией вклиниваются частные схемы синтеза как возможные аналоги будущих понятий. Реальное предметное мышление осуществляется всегда как мыслящее созерцание. Будучи алгеброй содержательного мышления, логика категорий есть только органон, только руководство для выяснения «специфической логики специфического предмета» и не может никак подменить ту или специальную науку о предмете. Однако ценой этого «недостатка» логика приобретает всеобщее достоинство – выполнять стратегическую роль в мышлении.

В § 3 «*Метод развития категорий*» на основе анализа «Капитала» и рукописей к нему раскрываются логическая структура метода категориального мышления, особенность диалектико-логического отношения – отношения целого к самому себе, его социальное основание и методологическое значение.

Наследие К. Маркса содержит следующие аспекты метода. Первый из них отражает, как Маркс понимал «материалистическую основу» метода¹⁵. Ко второму

¹³ Пиаже Ж. Роль действий в формировании мышления // Вопросы психологии, 1966, с.38.

¹⁴ Маркс К. Математические рукописи. – М., 1968, с.55.

¹⁵ Маркс К. К Критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – М., 1959, с. 5-8.

аспекту относится раздел рукописи «Метод политической экономии»¹⁶, в котором раскрывается гносеологический вопрос – отношение познающего мышления к предмету познания. Третий аспект составляет логика метода развития понятия, ядром которой является отношение целого к самому себе («бытие-для-себя»), это отношение пронизывает все теоретические работы Маркса, начиная с его докторской диссертации. И «без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики “Капитала”, – писал Э. В. Ильенков, – невозможно ничего понять ни в “Капитале”, ни в его логике»¹⁷. Первые два аспекта общеизвестны. В параграфе выясняется логика метода и диалектикообразующее отношение (целого) к самому себе.

Под «рациональным» в диалектике Гегеля Маркс, по всей вероятности, имел в виду логику развития мысли от всеобщих определений предмета к особым определениям и к единичному – к конкретно всеобщему, к синтезу особых определений в мысленную целостность. Об этом свидетельствуют ряд обстоятельств. Маркс считал подлинным открытием Гегеля выявленные им в «Науке логики» всеобщие моменты понятия (В – О – Е). Намечая общую логику изложения всего материала в «Капитале», он сообщает в письме к Энгельсу: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал “Логик” Гегеля». Далее Маркс писал о своем намерении изложить «на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал»¹⁸. Чем же «Логика» Гегеля оказала «большую услугу»?

Маркс перелистал «Логик» в конце октября 1857 года. После прочтения «Логик», в ноябре 1857 года Маркс составил третий план исследования капитала. В этом плане он подчеркнул саму логику развития категорий: *всеобщность, особенность и единичность* (В – О – Е), вероятно, в связи с размышлением о «рациональном» в методе Гегеля¹⁹. Анализ этой логики отсутствует в марксоведении.

На первой ступени («*Всеобщность*») определяется капитал вообще, его генетически исходная родовая форма. По отношению к товарному производству капитал выступает не со стороны особых конкретных определений, а в виде простой всеобщей определенности (Д – Т – Д'). Для выяснения общей специфики капитала не следует привлекать другие капиталы, иначе будет определен не капитал вообще, а та или иная его особая форма, его вид, а не род. Маркс отмечает: «наличие многих капиталов не должно здесь нарушать рассмотрения предмета, наоборот, отношение многих капиталов выясняется после».

На второй ступени метода («*Особенность*») Маркс переходит от капитала вообще к «особым капиталам» путем включения в анализ *многих* капиталов, а значит и конкретных отношений между ними. Эти отношения сообщают капиталам *особенные* функциональные формы. Маркс замечает: «Это существенный аспект ... как отличается рассмотрение капитала как такового от рассмотрения капитала в его отношении к другому капиталу». Особенности определения возникают лишь при рассмотрении многих различных представителей одного рода.

На первой ступени метода капитал брался «в себе», поэтому его существенные определения еще не получили внешнего проявления. На второй ступени Маркс

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч.1, с. 36-45.

¹⁷ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса.– М., 1960, с. 249.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т. 29. – М., 1962, с.212.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т. 46, ч.1, с. 226.

рассматривает, как через взаимную связь отдельных капиталов существенные определения капитала, будучи в свернутом виде, перемещаются в поле внешних отношений, отделяются друг от друга и распределяются за разными отдельными капиталами. Капитал выступает теперь реально в виде «многих капиталов». Примерно то же происходит и с человеческой природой, когда она в актах общения объективируется и в своей полноте представляется многими индивидами. Капитал теперь берется не в «в себе», а в плане «бытия-для-другого», в аспекте явлений капиталов друг другу; т.е. от производства капитала Маркс переходит к обращению капитала, от его «внутренней жизни» к его «внешним отношениям жизни», где противостоят друг другу «капитал и капитал».

На третьей ступени метода («Единичность») многие отдельные капиталы воссоздаются как органы одного, совокупного капитала. Основопологающим здесь является следующее: за отношением одного капитала к другому Маркс вскрывает отношение капитала к самому себе как целому. Это отношение противоречно по существу. Поскольку *одному* капиталу противостоит *другой* капитал, то конкуренция выступает для отдельного капитала как *внешняя необходимость*, принудительно ограничивающая свободу его функционирования. Но поскольку *одному капиталу* противостоит *другой капитал*, то «конкуренция представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу» и выступает как «самоопределение» капитала она приводит в исполнение «внутренние законы капитала» в форме внешней необходимости для отдельных капиталов. Кажется, противоречия здесь нет, так как вступает в действие логика «в разных отношениях»: конкуренция есть свобода для функционирования отдельного капитала, поскольку он – *капитал*, но она есть несвобода, поскольку он – *отдельный и особенный* капитал. Но отдельный капитал есть одновременно и то, и другое. Он есть *отдельный капитал*, единство особенной формы и всеобщей природы. Поэтому противоположные отношения замыкаются в одном пункте, превращая отдельный капитал в противоречие. Этот основной момент в понимании противоречия – соединение противоположностей в одной основе – упускает рассудочная логика «в разных отношениях». Заключение в отдельном капитале противоречие между особенной формой и всеобщей природой отдельных капиталов порождает раздвоение всего совокупного капитала на особенные капиталы и на всеобщий по значению капитал, который накапливается в банках. Так же различие между частным и всеобщим интересами выражается в наличии гражданских лиц и государственных лиц. В форме кредита «весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент». Капитал во всеобщей форме существует теперь отдельно, рядом с генетически предшествующими формами капитала; подобно тому как глава государства и вся вертикаль власти представлены персонифицированно наряду с иными гражданами. Скрытое в отдельных капиталах противоречие между особенной функциональной формой и всеобщей природой проявилось наружу и разрешилось тем, что воспроизвелось в масштабах всего общества. Это раздвоение подобно поляризации меновой стоимости на особенную форму и на всеобщую форму (деньги). Так как один капитал относится к другому сразу двояко – и как к *другому* капиталу, и как к *капиталу*, то отношения между капиталами распадается на *внешние* (отношение к другому) и на *внутренние* (отношение капитала к самому себе). Внутреннее движение капитала как его «отношение к самому себе», замечает Маркс, противостоит «его телесному движению, его бытию-для-другого». Это двоякое полагание, замечает Маркс, отношение к самому себе как к чему-то чужому

становится «реальным», когда капитал одной нации для увеличения его стоимости отдается «взаймы другой нации»; тем самым капитал создает предпосылки своего роста, т. е. воспроизводит себя как самовозрастающая стоимость. Капитал, относясь к себе двояко (как к капиталу и как к другому особенному капиталу), распадается на *внутренние* и на *внешние* отношения.

На третьей ступени метода Маркс изображает единство этих отношений в тех формах, которые возникают из движения капитала как «целого». Иными словами, от обращения капитала Маркс переходит к изображению капитала в единстве его производства и обращения, к единству сущности и явления капитала в сфере действительности, т. е. «для-себя-бытие» совокупного капитала. Или иначе: капитал вообще – многие особенные капиталы – капитал как целостность, соотносящийся сам с собой. Отмеченную выше логику плана Маркс сжато изложил в письме к Ф. Энгельсу: «а) капитал вообще...б) *конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. в) *Кредит*, где весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент»²⁰.

Как следует из анализа, Марксов метод развития категорий включает три взаимосвязанных звена: всеобщее – особенное – единичное; род как нерасчлененное одно – многие единицы внутри рода – род как конкретное целое; целое само по себе – отношение одной части к другой – отношение целого к самому себе.

Первое звено составляет общую логику восхождения к конкретному, второе и третье звенья представляют, соответственно, внешнюю (количественную) и внутреннюю (сущностную) формы восхождения, они конкретизируют первое звено. Элементы трех звеньев находятся в отношении взаимного соответствия. Восхождению от всеобщих определений к особенным и к их синтезу в мысленную конкретность («единичность») соответствует переход от родовой характеристики предметной области к отношениям между единицами внутри рода и к роду как целостности; со стороны внутренней формы – движение от целого самого по себе («бытие-в-себе») к отношению одной части к другой («бытие-для-другого») и к отношению целого к самому себе («бытие-для-себя»).

Далее раскрываются историко-философский (И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс), логико-гносеологический и социокультурный аспекты отношения целого к самому себе. Это отношение составляет логическую основу философской классики. Оно, делает автор вывод, выражает социальную связь как человеческую общность, снятие отчуждения и утверждение универсальности человека, его продуктивно-творческих сил. Эта логическая форма мышления – продукт развитой социальности и развитого самосознания. Данное отношение раскрывается в работе как производное от процессов самодеятельности и соревнования, в которых социальность соотносится сама с собой; обосновываются методологические возможности данного отношения в понимании противоречия, становления системы в целостность, субъектности в контексте современных проблем. В заключение параграфа дается обобщенная логическая характеристика отношения целого к самому себе; это отношение ориентирует на логику категорий как на логику творчества, в которой социальная самодеятельность представлена в снятой и во всеобщей форме.

В § 4 «*Категориальный состав содержательной логики*» обосновываются состав логики и последовательность воссоздания предмета в мышлении.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т. 29. – М., 1962, с. 254.

В понимании форм мышления (категорий) прослеживается та же закономерность, что и в осознании стоимости. Такая общность объяснима тем, что и формы мышления, и формы стоимости есть общественные формы. А общественные формы сверхчувственны, умопостигаемы. Поэтому возникает трудность отделения общественных форм от их эмпирического материала.

В первых экономических учениях стоимость грубо смешивается с веществом природы; затем стоимость перемещается из внешнего предмета в деятельность, в один из видов труда (земледелие); наконец, стоимость полностью освобождается от особенных видов труда и сводится А. Смитом к труду вообще. Насколько трудным было абстрагирование труда вообще от его предметной наполненности, показывают колебания А. Смита в определении стоимости. Д. Рикардо за регулятор стоимости решительно берет только «акт созидания», деятельность, труд, а не продукт.

Формы мышления тоже осознаются вначале натуралистически (досократики); затем они освобождаются от чувственных представлений и знаковой формы выражения (Сократ, Платон, Аристотель); наконец, И. Кант решительно сводит их к действиям рассудка, ко всеобщим формам сведения чувственно многообразного к единству самосознания. Для И. Г. Фихте важен уже сам «акт созидания» категорий на глазах у читателя. Если Канта условно можно назвать А. Смитом в логике, то Фихте – ее Рикардо. Кант, Фихте, Шеллинг настойчиво ставили вопрос о разуме не только теоретическом, но и «практическом». Гегель делает решающий шаг, он вводит в логический процесс опредмечивание мышления в мир культуры, толкуя теорию и практику как метаморфозы единой «субстанции-субъекта» – мышления, Идеи.

Эту важную позицию Гегеля К. Маркс развил в положениях о «посюсторонности» и «мощи» человеческого мышления, о науке как производительной силе общественного труда, о практике на «высоте теоретических принципов». «Разве язык слова есть единственный язык мысли?»; разве в «паровой машине» механик выражает свое мышление менее внятно, чем в «типографской краске», задает К. Маркс риторические вопросы. Труд есть процесс воплощения «идеального». Идеальное воплощается в предметный мир промышленности и государства, в систему общественных отношений, в мир культуры. Перефразируя К. Маркса, уместно отметить, что теория мышления, для которой эти объективации идеального закрыты, «не может стать действительно содержательной», коль в ней предмет ограничивается только познавательной деятельностью.

Если мышление реализуется в теоретической, духовно-практической (ценностной) и в практической деятельности, то и наука о мышлении обязана учитывать эти сферы реализации мышления. Ценностное освоение является «духовно-практическим» потому, что субъект преобразует не внешнюю реальность, а свою субъективность, осуществляет «духовное делание». Перемещение предмета логики из природы и из мышления, взятых в их отъединенности, в субъективную деятельность человека по освоению действительности составляет закономерность и итог развития логики. В ясном виде этот итог сформулировал Э. В. Ильенков. Логика выявляет объективные формы и закономерности, в рамках которых протекает человеческая деятельность как «материально-практическая, так и духовно-теоретическая», ее предмет – *«объективные законы субъективной деятельности»*.

В человеческой активности причинность преобразовалась в целенаправленность, и цель превратилась в более высокую форму организации активности. Развитое мышление футурологично: оно всегда понимает наличную действительность с позиций будущего самой действительности. Взгляд с позиций

будущего позволяет субъекту не срашиваться с наличными формами, отстраняться от них, брать их «и с преходящей стороны», быть поэтому критичным и проектно-креативным. Люди бывают великими своими деяниями, а их дела бывают таковыми потому, что они созерцали будущее с очевидностью и изменяли с таких позиций настоящее. Отсюда проистекают смелость, решительность, мужество в преодолении наличной реальности. Желаемое будущее предстает в виде цели. И такая фундаментальная особенность, как целеполагание, должна войти в состав логики. Гегель в «Науке логики» вполне обоснованно совершает переход от онтологических категорий к «понятию», «телеологии» и к «идее», завершая логику идеей блага.

Категориальный состав логики призван отобразить все формы освоения мира человеком как разумным существом – теоретическую, духовно-практическую (ценностную) и реально-практическую. В традиционном же изложении категорий диалектики учитывалась лишь теоретическое освоение реальности. Человек был сведен до познающего субъекта. Вне ценностного компонента диалектика и предстала как молоток-автомат, пожирающий наличные формы бытия в огне негативности, отрицания, «вечного изменения». Получалась безлюдная диалектика, отображающая «круговороты», «атрибутивные модели бытия», потусторонние человеку. Диалектика без совести, добра и красоты оказалось никому не нужной, способной оправдать все что угодно, и была отправлена в архив.

Категориальный состав логики можно представить следующим образом. Первая часть включает всеобщий категориальный аппарат духовно-теоретического освоения реальности. На основе категорий возможно последовательное воссоздание производных от категорий принципов и методов научного познания, теории понятия, суждений и умозаключений. Связь принципов и методов познания обосновываются генетической последовательностью категорий. Качественный, количественный, структурный и другие методы, как и субординация суждений, производны от соответствующих им категорий. Вторая часть логики содержит изложение всеобщих закономерностей ценностного освоения, в котором тоже присутствует разум. Третья часть логики выражает закономерные формы перевода идеального в реальное, мысли – в действительность, ценностей – в практическую политику. Субъект здесь изменяет мир согласно знаниям, ценностям и целям и стоит в активном предметном отношении к нему. Мышление выступает как направляющий и регулятивный фактор общественного жизненного процесса. Диалектический метод, будучи выводом из истории познания, духовного делания и практики, завершает изложение содержательной логики и служит руководством к познанию пониманию и действию. При такой общей структуре разумное мышление получает свое полное воссоздание, и деятельность субъекта как разумного существа выступает как спиралевидный расширяющийся круговорот идеального и материального. Тем самым отпадают односторонние крайности материализма и идеализма.

При таком составе философская диалектика обретет второе дыхание, станет человекотворческой, общественно значимой и в процессе образования, и для практических работников независимо от их профессиональной деятельности. Включение в состав логики закономерностей духовно-практического освоения реальности сообщит мышлению ценностную интенцию; усвоение культуры мышления будет означать умение разрешать противоречия на духовно-нравственной основе, быть сильным в добре, а не во зле.

В третьей главе «Мышление в структуре целостного духовного акта» автор развивает концепцию аксиологического синтеза, который дополняет синтез

логический и в единстве с ним образует целостный духовный акт; обосновывает креативность этого акта в культуре.

В первом параграфе *«Опыт понимания духовности с позиций аксиологии совершенства»* раскрывается родовая природа духа. На душевной стадии психики субъект живет по преимуществу внешним, чувственным опытом. Явления этого опыта изменчивы и единичны. Сознание тоже неустойчиво, затрудняется фиксировать значения в их всеобщей форме, находится в плену индивидуальных предпочтений; не выходит за пределы относительного (что хорошо для данного лица или данной группы людей) к абсолютному (что хорошо само по себе, безусловно). Душе еще не присуща ценностно-рационально-волевая самость как тот автономный центр «Я», из которого исходят законодательные функции разума и повеления разумной воли на основе всеобщих значений. Чувства и эмоции размывают автономию, («стены индивидуального Кремля»), чем объясняется шаткость души. Человек на такой стадии избирает ценности, как правило, не потому, что они объективно хороши по своему качеству, а потому, что они хороши относительно него или его окружения. Личности присущи ценности частные и относительные, ценностный релятивизм и субъективизм. Относительные ценности возводятся в абсолютные, творятся кумиры, которые развенчиваются жизнью потому, что качество таких ценностей не соответствует их статусу абсолютных. Возникают разочарование, нигилизм и цинизм, разнуздывается инстинкт вне идеала. Обучение технике жизни (методам и технологиям) не выводит сознание из мира относительных ценностей.

На духовной стадии внутренний, сверхчувственный смысловой опыт направляет опыт внешний; субъект освобождается от диктата внешних чувств, обретает самосознание, выходит за рамки «здесь» и «теперь», научается самостоятельно оперировать всеобщими значениями и обретает надындивидуальные ценности – нравственные и эстетические, религиозные и правовые; он избирает те или иные ценности потому, что они хороши не только относительно него, но и сами по себе: являются истинными, добрыми и прекрасными и поэтому – совершенными, достойными всеобщего признания. В качественном отношении дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»²¹.

Совершенство есть субстанциальное содержание духа, а любовь – верный акт приятия этого содержания. Любовь есть синкретичное художественное переживание совершенства; она направляет мышление к объективной истине, волю – к сотворению добра, а созерцание – к восприятию красоты. Истина, добро и красота есть разные проекции совершенства на экранах мышления, воления и созерцания. Вера же соединяет эти проекции в единство и утверждает иерархию ценностей, устремляясь к абсолютному, священному и божественному. Совесть оценивает помыслы и деяния с позиций должного совершенства.

Совершенство есть такое содержание, которое доступно как гармония истинного, доброго и прекрасного. В силу таких ценностных модальностей, совершенное содержание воспринимается целостным духовным актом в единстве творческих сил – теоретического мышления, продуктивного воображения и

²¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. – М., 1993, т. 1, с. 56

связанного с ним эстетического созерцания, нравственной воли, одухотворенной веры, любящего сердца и совести. В психологическом плане дух есть целостный акт – единство главных продуктивно-творческих сил.

Согласно классикам русской философии (В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского и др.), душа человека стремится к совершенству потому, что она боготварна и сопричастна генетически и субстанциально совершенству Творца как образ и подобие Его совершенства.

Совершенство есть качественное содержания духа, а дух – та форма, в которой совершенство существует адекватно, как знающее само себя, как для-себя-бытие». Дух есть сознающее, рефлексированное в себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны. Как однородный солнечный луч преломляется в многообразии цветов, так и чувство совершенства выражается в спектре положительных качеств – любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и художества, справедливости и солидарности, окрыленной веры как иммунной системы души от деструктивной социальности. Проявления воли к совершенству есть духовность.

Помимо качественного аспекта (жить совершенным) дух имеет количественную характеристику, которая выражается в масштабности, надличностном и всеобщем содержании его значений; сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за корпоративным – государственным интерес, за национально-культурным многообразием – единство человеческого духа, за относительным – абсолютное, за космической пылью – божественное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья. В целом, духу присущи целостность, совершенство и всеобщность. Без возвышения психики до духовного уровня невозможно воспитание личности, понимающей и переживающей универсалии культуры, патриотизм, правосознание, государственный ранг, искусство в ее художественных вершинах, религию, личную сопричастность общему большому делу и ответственность перед памятью об ушедших поколениях и перед современниками. Вне духовного уровня индивид сомнителен как гражданин и субъект профессиональной деятельности.

Далее автор раскрывает совершенство как исток религии, культуры и воспитания ценностного сознания, полагая, что любовь к совершенству есть *«живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории*. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное» (И. А. Ильин). Акмеологическое значение совершенства заключается в частности, в его имманентной связи с творчеством. Вдохновение движет творчеством. Но само вдохновение производно от переживания совершенства: оно есть благоговение перед совершенством и восторг от него.

Дух рассматривается далее в социальном и личностном измерениях. В социальной системе дух есть идеальный «ген» – всеобщее, концентрированное и высшее выражение и продолжение социальности – ее саморефлексия и самоопределение, самопроектирование и самоустремленность, самоусиление и «для-себя-бытие». В духе закодирована социальность народа в ее вершинных и судьбоносных измерениях. Поэтому духовный кризис парализует сразу все сферы и

поры общества. Как в экономическом обмене необходимы единые выразители стоимости, так и для общности народа существенны единые ценности, с которыми субъекты себя идентифицируют. Корневые ценности согласуют души в самом главном, поэтому они освящаются. Ибо без согласия в душах нет согласия во внешних делах. На основе корневых ценностей происходит первичный социальный акт – взаимное признание, понимание и доверие; из этого акта следуют духовное добровольное единение и солидарность, верность и служение, взаимопомощь и самоотверженность. Разложение духовного генотипа так же обезобразивает жизнь народа, как деструкция генной информации уродует живую клетку. России необходим творческий синтез традиции и модернизации.

Дух как основу душевного здоровья автор осмысливает, исходя из положения – качество того, с чем личность себя идентифицирует и во что верит, определяет степень устойчивости «Я», душевного здоровья. В вопросах самоидентификации проявляется вся важность различий между душевной и духовной стадиями психики. Религиозная философия ориентирует на самоидентификацию с Абсолютом, совершенным по качеству, в чем заключается непревзойденная защитно-иммунная и психотерапевтическая роль религии.

Далее выясняется важность идеала, который через любовь и воображение вовлекает могучие резервы подсознания в творчество. Воспитание духовности связано с развитием ценностного самосознания. Важно вознести сознание от ценностей единичных ко всеобщим, перекалить внешнепредметную чувственность до утонченных, предельно легких фракций и растворить их в однородном чувстве совершенства, вознести юную душу в «солнечные пространства» прекрасных значений, в мир образцов-эталонов, вызвать эмоциональное переживание совершенства путем использования эмоционально-побудительной наглядности, будь то метафоры, сравнения, емкие художественные образы и символы, деяния великих людей. Вторая задача – помочь личности спуститься с «вершины» ценностной пирамиды к «основанию» путем теоретического раскрытия ценностных основ культуры народа, бытия человека, семьи, коллектива, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, и др. В сознании возникает «вертикаль» ценностей, позволяющая личности утверждать себя не в пустяках и курьезах, а в делах общеинтересных и значительных, великих и прекрасных. Воспитание – это деятельное воспроизводство духовной общности, «символического капитала», который А. С. Панарин определил как «социально мобилизованную духовность, выступающую как инструмент людского социального сплочения». Древние народы значительную часть времени уделяли воспроизводству своей общности путем ритуальных праздников. Литургии – это воспроизводство из поколения в поколение воли к совершенству в его сакральном значении. Воспроизводство духовной общности не менее важно, чем производство средств жизни и социальных связей.

В § 2 «Креативность духовного созерцания в культуре» излагается концепция аксиологического (эмотивного) синтеза сердца.

Автор решает вопрос: если совершенство есть субстанция духа, то как оно само творится? Духу присуща ценностная доминанта. Ценности избираются чувствами и обосновываются мышлением. Рассудок, по Канту, развивается в разум. Чувственность тоже модифицируется. Во «внутреннем чувстве», о котором писал Кант, возникают не только априорные действия, но и особая модальность – духовные чувства, возникающие уже не от физических воздействий, но от переживания значений (радость, уважение, презрение). Это – понимающие чувства, «чувства-

теоретики» (К. Маркс). Их сосредоточием является «сердце» как душевно-духовный орган. Связке «чувственность – воображение рассудок» соответствует на духовном уровне связь «сердце – духовное созерцание – разум». «Сердце» избирает ценности, сердечное созерцание дарует духовную очевидность, разум полагает цели.

Мышление синтезирует явления со стороны *формы, отношений, структуры*; «сердце» синтезирует явления, эмоционально-ценностные модальности в аспекте их значимости для человека на основе однородного чувства совершенства. Совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, нравственной воле как *добро*, а эстетическому созерцанию как *красота, прекрасное*. Как апперцепция есть источник единства логического сознания, так и однородное чувство совершенства есть основа единства всего ценностного сознания, его качественный субстрат и первоисток положительных качеств и ценностей, духа, религии, культуры и воспитания. Сердце и разум стремятся к безусловному: сердце – к идеалу, в конечном счете, к божеству; разум – к самодостаточному предельному началу, которое содержит в себе основание собственного бытия и является самообоснованным и самообусловленным. Оба вектора таких стремлений объединяются в духовном созерцании. Такое стремление сердца и разума объяснимо: субъект выходит за пределы внешней природы и собственной чувственности, всего эмпирического материала, укореняется сердцем и помышлением в предельном основании, чтобы, исходя из него, преобразовать существующую реальность согласно императивам должного.

Глубинно-потаенный синтез «сердца» отмечен в Библии, Святоотеческом Предании, в истории философии. «Сам ты есть твоё сердце», «истинный человек есть сердце в человеке» (Г. С. Сковорода.); «лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» (П. Д. Юркевич). «Русская идея есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение воле для действия и *мысли* для осознания и слова» (И. А. Ильин).

Совершенство – реальность верховно-предельная и «осевая» в осознании культуры от античности до наших дней. При этом автор ссылается на современные публикации. Триада «истина – добро – красота» универсальна, не привязана к историческим условиям и национальным особенностям и исполняет «эталонную функцию» (В. И. Плотников). Проблема состоит в умелой реализации такой функции. Анализируя контексты «сердца» в Библии, автор приходит к выводу: образ Божий как «абсолютное совершенство» (Н. О. Лосский) есть зеркало, в котором убедительно выражен синтез сердца на основе однородного совершенства.

Почему именно сердце творит нечто совершенное, рождая ценностное вдохновение? Чувство имеет иной онтологический статус, чем понятия. Понятия есть формы внешних тел, но без материи, пленники мышления, отъединенные от своего имманентного субстрата. Формула воды не кипит и не замерзает. Чувство есть имманентная реальность, не пересаженная на нейтральный для нее материал. В чувстве объективное и субъективное сняты в особой естественно-бытийной реальности. Сам естественный субстрат (чувство) понимает: он ищет адекватную себе форму, рождая нечто пластичное, целостное. Так же цело-сообразно творит природа, будь то цветок и т.п. Имманентностью субстрата и формы объяснимы целостность творений и природы, и сердечного созерцания. Такое созерцание мудрое, творческое и пророческое. Поэтому «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим». Библейские пророки и апостолы утверждали великие духовные

истины для новой жизни, они апеллировали к «сердцу» потому, что практика жизни подтверждала особый онтологический и аксиологический статусы «сердца». По той же причине люди строят главное в жизни «не на умозрительных домыслах и расчетах, но на *святынях*» (Ю. М. Бородай), запечатленных в «сердце».

Далее в параграфе раскрывается креативность сердечного (духовного) созерцания. Чувство совершенства связывается в смысловом отношении с идеями и целями разума благодаря посреднику – духовному созерцанию. Продуктивное воображение производит идеальный предмет, духовное созерцание обозревает идеальную реальность и тоже синтезирует согласно однородному чувству совершенства и целям разума.

Сердце – сосредоточие душевно-духовных чувств. Главным из них является любовь, взятая на духовном уровне и потому тяготеющая к «качеству, достоинству, совершенству»; она – «вкус к совершенству» (И. А. Ильин). Любовь креативна по отношению к иным способностям и по отношению к реальности. Любовь, отмечал И. А. Ильин, превращает воображение в предметное видение, наполняет мысль живым содержанием и дает ему силу предметной очевидности, превращает волю в орган совести, соотносит инстинкт с идеалом, придает чувственности эстетико-художественное значение, направляя к искусству. В отношении реальности любовь сообщает всем этим способностям интенцию на достойный предмет. Возникает интенсивное созерцающее вчувствование в жизненные содержания, и субъект погружается в глубину предмета, сливается с ним и мыслит о нем, из него, на его предметном языке. Возникает предметно-конкретное, разумное созерцающее мышление. В познании – это «интеллектуальное видение» (Платон, Гегель, И. А. Ильин, Н. О. Лосский). Гегель открыл опыт конкретного мышления благодаря дару духовного созерцания, «мысленного ясновидения» (И. А. Ильин). Синтетические суждения доступны духовному созерцанию, а не аналитической мысли.

Понимание сердцем ценностно-образно-эмоционально-побудительное, прозревающее за реальностью ее нравственно-эстетически-религиозную значимость и дающее интегральную, креативно-антропологическую оценку, недоступную для рассудка. Любовь увеличивает «радиус своего действия» (Л. Зонди), расширяется диапазон предметного творческого созерцания, растет эвристический потенциал и ученого и художника и политика, каждого, кто вовлечен в подлинную предметность.

В акте сердечного (духовного) созерцания субъект переносится в предмет в большей мере, вживается в него, становится им и созерцает его в аспекте чистого смысла и сути предмета, убирая все лишнее: предмет созерцается изнутри самого предмета так, что он, как будто, обладает своим «я» (самостью), которое пронизывает изнутри все свойства предмета так же, как наше «Я» проходит через все наши чувственные состояния. Предмет предстает как одухотворенный, свободный, самодеятельный и целостный. Кроме этой качественной стороны есть и количественная сторона отличия: духовное созерцание обозревает смыслы в их символических облачениях и поэтому оно не так локально, как созерцание в воображении, менее привязано к частностям и ему присуще обозрение смыслов в составе неоконченного Целого; таково созерцание Ф. И. Тютчева: «Живая колесница мироздания / Открыто катится в святилище небес». Представить бездну звездного мира можно без труда, но почувствовать «святилище небес» дано только сердцу и его созерцанию.

Из особенностей сердечного созерцания следуют и его дары:

▪ поскольку предмет созерцается из его самости, то такое созерцание существенно предметное и духовно-конкретное;

▪ духовно-конкретное содержание предстает как целостность («органичность»), когда мера целого составляет смысл частей, а части предстают как органы целого; при этом мера целого и меры частей согласованы, гармоничны, что составляет неотъемлемое условие художественности;

▪ позволяя схватывать предмет целостно, духовное созерцание дарует тем самым, эвристичность, открытие скрытых отношений (ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого), и эстетичность, тяготеющую к художественности;

▪ сердечное созерцание, далее, дарует способность воспринимать предмет как свободный и самостоятельный; ибо такое созерцание исходит из любящего сердца, которое поет свободно и самостоятельно; тем самым субъект страшится от рассудочного формализма, объективизма, статичности (метафизичности) и редукционизма, особенно в понимании социальной реальности;

▪ созерцание предмета в составе неоконечного Целого позволяет обрести в понимании предметной области панорамность, полноту и открывает возможность выхода за рамки канона к новому «органону», к пониманию новых граней и измерений бытия;

▪ все, вместе взятое, сообщает человеку общую, «экзистенциальную», жизненную креативность.

Духовное созерцание дарует творческую продуктивность Понятия как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием, дают «скелет» предмета. Сколько ни говори «система», «бифуркация» и «аттрактор», от этого, без творческого предметного созерцания, «синтетические суждения» не появятся. Без творческого созерцания омертвевает всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетика. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в значительной мере стал достоянием лишь «методологии», а не работающим способом предметного исследования потому, что мышление стало пониматься только как оперирование понятиями. Тогда как реальное мышление всегда осуществляется как мыслящее духовное созерцание сути дела, как созерцающее вчувствование и перевоплощение в предмет. К. Маркс в наброске о методе политической экономии сразу ссылается на то, что предмет как целое должен витать в представлении. Рассудок потому не выносит противоречия, что он не созерцает мыслимый предмет, в котором противоречия не только содержатся, но и разрешаются. Прирост содержания потому осуществляется благодаря созерцанию, что субъект сам «превращается» в предмет, сам творит его процессы, и сам же созерцает результаты процесса. Созерцающее разумное мышление рефлектирует так, как само целое через свои процессы рефлектирует о себе через взаимодействие своих частей. Это стремился выразить Гегель в своем учении о сущности и о понятии. Гений есть дар творческого духовного созерцания. Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, суть два крыла творческого взлета и парения духа в путешествиях за открытиями.

Сердцу ведомо чувство родного, которое объективируется в благое содержание – как любимый человек, семья, соборное «мы», отеческое наследие, родной язык и родная культура, Родина, Отец Небесный, творческая жизнь. Это – чувство Дома, а не чужбины; это – «животворящая святыня», основа «самостоянья человека», «залог величия его»; без родного «наш тесный мир – пустыня», «душа – алтарь без

божества» (А. С. Пушкин). Из чувства родного вырастают преемственность поколений, национально-культурная идентичность, духовное единение народа. Кризис технической цивилизации заключается в угасании любви и воли к совершенству, чувства родного и Родины, в формальной образованности, ориентированной на технику жизни, в верховенстве рационально-волевого начала над духовно-ценностным. Культуротворящий акт современности исходит из подсознания, чувственности, эксперимента, научного мышления, прагматичной воли и создает бессердечную культуру, тяготеющую к пошлости без святынь.

Такая «культура» есть техногенная цивилизация, устремленная на обустройство внешней жизни. Поэтому в ней главными являются техника, бизнес с его товарно-денежной связью, право и наука, разрабатывающая технологии. Следует перестроить структуру культуротворящего акта, руководствуясь вторым уровнем «сердце – духовное созерцание – разум», и внести обновленный акт в искусство, науку, образование, хозяйство, социальные отношения, государственное строительство. Без сердца, без развитых духовных чувств, которые атрофируются в условиях техногенной цивилизации, исчезнут пророки и праведники, вожди и герои. Останутся или гедонисты-аутисты, или логически вышколенный научно-технический персонал с одной технико-экономической рациональностью.

Далее раскрывается продуктивность духовного созерцания в русской культуре, в частности искусстве, и делается вывод: метод отечественной науки – это духовное созерцание целостности предмета. Из этого метода следует масштабность мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся классическая русская философия. Культура России обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI веке качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и поставляет материал мышлению для оформления и воли для осуществления и организации.

В § 3 *«Культура мировоззрения: рефлексия о возможных предельных основаниях»* обобщаются результаты исследования до уровня мировоззренческих оснований. Мировоззрение есть система ценностно-рациональных принципов, которые направляют отношения человека к самому себе, к другим людям (обществу), к природе и к предельным трансцендентным первоначалам. Культура мировоззрения означает такую его обоснованность историческим опытом, вследствие чего мировоззрение обретает полноту и открывает истинную перспективу – ориентацию человека, отечества, человечества на объективно лучшие, совершенные содержания.

Логическим основанием мировоззренческой культуры является, на наш взгляд, философская диалектика: она содержит полноту исторического опыта в смысловом самоопределении и предохраняет от односторонних крайностей, когда онтология берется без антропологии, гносеология без аксиологии, относительное без абсолютного. В жизненной борьбе диалектика ориентирует на преодоление преград; в области культуры она выводит сознание за рамки достигнутого к новым возможностям и смыслам, содействуя обновлению воззрений, и тем самым всегда остается юной и креативной, столь созвучной дерзновению молодежи. В плане познанию диалектика рождает неоконечное свободное мышление, расширяя рамки того Целого, в составе которого мыслится предмет.

Психологическим основанием являются целостность духовного акта. Атрофия воображение не позволит воспринять красоту «звездного мира». Человек,

внутренне расколотый, не причастен великому и прекрасному делу, идеалу. Ибо нет внутреннего органа для причастия. Этот внутренний орган, подчеркивал И. А. Ильин, называется «гармонией, согласованной тотальностью (т.е. целокупностью) влечений и способностей, единением инстинкта и духа, согласием между верой и знанием». Он советовал: человек должен не стыдиться своего сердца. Мысль должна примириться с творческим, предметным воображением и опять стать «созерцающей, интуитивной и прозорливой». Аутистическая фантазия должна пройти через школу «предметной интенции и духовной ответственности» Формальная воля должна подчинить себя «сердцу и совести». Тогда рассудок научится видеть и станет «разумом»; а «созерцающий разум станет повиноваться сердцу». Ибо «сердечное созерцание, совестная воля и верующая мысль суть три великие силы нашего будущего, которые справятся со всеми проблемами, неразрешимыми как для бессердечной свободы, так и для противосердечного тоталитаризма». Для разрешения проблем России нужен «цельный, целостный, исцеленный человек, заповеданный нам Евангелием» (А. Ильин). Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, даруют очевидность в выборе и прозрение в смыслах.

Социально-творческим основанием является гармония индивидуальной свободы и добровольного единения людей, т.е. социальная синергия, сотрудничество, кооперация усилий ради общей цели. Люди, независимо от их мировоззрения, работают друг на друга, связаны общим делом, которое взвешивает вклад каждого и определяет его важность, порождая феномен уважения или неуважения. Здоровье, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие. Здоровье выражает гармонию целого и частей. Болезнь, регресс – это эгоизм части за счет меры целого. Соотношение целого и части Гегель не случайно поместил в «Науке логики» в раздел «Учение о сущности».

В России народ выстрадал закон социальной синергии. В православии синергия понимается как слияние энергий Бога и человека, как соборность. Соборность резко расширяет горизонт сознания и ориентирует на то, чтобы избирать ценности не только потому, что они хороши лично для меня, но потому, что они хороши сами по себе, являются объективно лучшими по своему качеству, и в силу этого качества они достойны признания не только мною, но и всеми и стать сферой общего согласия и сотрудничества, взаимоусиления и процветания. Соборность жизнеспособна потому, что в отличие от форм внешней социальности она соединяет людей на абсолютном духовном основании, а не на преходящих интересах.

Гносеологическое основание обусловлено императивно-проективной сутью мировоззрения – устремленностью в желаемое будущее ради обновления настоящего, а также в особом духовном акте приятия мировоззрения личностью – свободным выбором, верою. Главный вопрос состоит в том, каково качество самого предмета веры и на что вера ориентирует человека, расширяет ли она горизонт сознания или сужает, возвышает духовно или понижает ранг ценностей. Какая же вера достойна человека? Вероятно, та, которая духовно возвышает личность и является человекотворческой, открывающей истинные перспективы для человеческой общности, для Отечества и для рода человеческого. Другого, более очевидного критерия у нас, людей, вероятно, нет. Даже истолкования текстов Священных книг направляются отношением возможных толкований к реальным интересам и перспективам человеческой общности. На каком основании строить мировоззрение, этот вопрос каждый, конечно, решает сам. Но и сам платит за свой выбор.

Креативно-антропологическим основанием является, вероятно, субъектный принцип, который, начиная с Сократа, поэтапно конкретизировался. В истории философии представлены объектный и субъектный принципы. В первом случае философы исходят из внешнего первоначала, с которым они согласовывают субъективность человека, его научное, ценностное и практическое освоение реальности. Во втором случае исходным является субъектность как основание для истолкования внешней реальности. До Сократа древние греки, образно выражаясь, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил исходить из очевидности человеческого разума. Начался классический период античной философии. М. Лютер утвердил принцип Сократа в религии. От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала в центре последующей европейской философии. А. Смит в отличие от физиократов (фетишистов земли) источник стоимости товаров видит уже не в земле, а в труде. Начинается период классической английской политэкономии. Ф. Энгельс по праву назвал Смита «Лютером» политэкономии. И. Кант развивает субъектный принцип в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из свободной самостоятельности человека. Начинается период классической немецкой философии. Идеи Канта героически развивает Фихте. Гегель формулирует вывод: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*». К. Маркс этот методологический принцип выводит на широкую дорогу исторической практики и проводит по-своему в философии, политэкономии, политологии. В своей докторской диссертации он раскрывает принципиальное различие между объективной философией Демокрита и субъективной философией Эпикура. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление» человека. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в самой его «творческой основе». Продуктивность субъективной философии была парализована именно объективным принципом официальной философии советского периода («безлюдной онтологией»): исчезли интеллектуальная динамика, духовное дерзновение и смелость, столь присущие субъективной философии.

Всякий раз, когда философы исходили из субъектного принципа, философия расцветала и наполнялась более глубоким содержанием.

Реальная жизнь обязывает оценивать мировоззрение креативно-антропологическим критерием, а не только соответствием выводам науки. Научные знания обновляются каждые 7 - 10 лет. Человек же сразу пишет свою жизнь на чистовик. В жизненных ориентациях ему нужны надежные ценностные основания. Выражение «научное мировоззрение» означает в значительной мере научную картину мира, в которой нет ценностной доминанты, а есть одни закономерности. Наука подобна схематической карте реальности, и эта карта не дает ответа на вопрос, по какому маршруту мне лично следует идти, к кому и зачем.

Аксиологическим основанием мировоззренческой культуры является совершенное, объективно лучшее содержание, которое гармонично соединяет в себе истину, добро и красоту. Современной аксиологии присущ тот недостаток, что в ней нет единой основы, из которой можно было бы развить конкретные определения в систему. В классической философии такой основой выступала совершенная реальность под разными названиями, будь то «благо» (Платон), «Единое» (Плотин), «совершенство Божие» (вся христианская философия), «Идея» (Гегель). Под своим

собственным названием оно изложено И. А. Ильиным, Н. О. Лосским и др. классиками русской философии. Вслед за А. С. Пушкиным, И. А. Ильиным, Н. О. Лосским разумно верить в благодатность духа совершенства, чувствовать и понимать его абсолютное верховенство, не понижать ранг ценностей в мировоззрении и мерить совершенным все содержания – в душе и во внешней жизни, в культуре и образовании, политике и хозяйстве.

Метафизическим основанием является, на наш взгляд, единство абсолютного и относительного. Вне абсолютного мировоззрение становится релятивным – применительным лишь для данного времени, данной общности людей. Изменяются обстоятельства, меняется и мировоззрение; в общественном сознании остаются одни «скачки», одна прерывность. Теряются преемственность поколений и духовное единение. Релятивизм есть относительное без абсолютного. Без абсолютного сознание теряет единый критерий и не может последовательно ориентироваться в жизни и в теории. Поэтому оно вынуждено возводить относительные ценности в абсолютные. Так возникает светская религиозность, абсолютизируются преходящие явления внешнего опыта – то революция, то рыночная экономика. Жизнь быстро развенчивает тщету такой религиозности. Наступают разочарование, «крушение кумиров» (С. Л. Франк), нигилизм и цинизм. Ситуативность и релятивизм мышления ныне стали эпидемией. Без абсолютного основания многообразные ценности теряют единство и превращаются в плюрализм мнений (что мне лично кажется и мнится). Релятивное мировоззрение жизненно не состоятельно.

Достоинством религиозного мировоззрения является его укорененность в духовный абсолют, совершенный по качеству. Если дух есть «высший цвет материи» (Ф.Энгельс), то основные ценности мировоззрения надо выводить не из бессознательной материи, а из ее «высшего цвета». У бессознательной материи не тот ранг качеств, чтобы из нее можно было бы вывести ценности, достойные духа и культуры. Далее автор прослеживает вехи секуляризации в европейской цивилизации. Постхристианские ценности «постсовершенны», «постлюбовны», «постсердечны». Развитие секулярной цивилизации выявляет закономерность: «чем больше нравственность порывает с культом», «по мере того как культовый ритуал вытесняется свойственными познанию процедурами верификации, нравственность умирает». Она замещается «отчасти правом и все чаще прямым директивным администрированием начальства. Функцию нравственности (организацию человеческой общности) все больше берет на себя полиция» (Ю. М. Бородай). Научная достоверность внешнего опыта отвергла очевидность духовного опыта. Современный духовный кризис, отмечал И. А. Ильин, состоит, по существу, в том, что человеческий дух утратил цельность, а потому и подлинность, и жизненную силу в очевидности. Выход из духовного кризиса возможен путем обновления субъективности – обретения цельности духовного опыта и цельной очевидности, которые взаимодополнительны и взаимоусилительны в обновлении самого культуротворящего акта. В заключение делается вывод: совершенство как реальность и категория признается и светским сознанием, и религиозным; оно может стать тем высшим в культурологическом отношении ценностным уровнем, на котором возможен продуктивный диалог, возвышающий и светское, и религиозное формы сознания. Обновленное мировоззрение – одна из предпосылок верного исторического выбора России и душевного здоровья новых поколений, ценностный ориентир в образовании.

В § 4 «Перспективные возможности высшего профессионального образования» на основе главных положений исследования определяется субстанциальное содержание гуманитарного образования и обосновывается необходимость поэтапного введения всеобщего высшего образования; особое внимание уделено «всеобщему труду», продуцирующему культуру.

«Гуманитарное» образование дословно означает образование «человеческого» в индивиде. Человеческое представлено культурой. Усваивая культуру, студенты усваивают те продуктивно-творческие силы, которые запечатлены в культуре как способности ее творцов, будь то теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетически организованное созерцание, нравственно-чуткая воля, одухотворенная вера, любящее сердце, совесть и др. Такие силы являются всеобщими по значению, они организуют особенные проявления человека как личности, специалиста, гражданина. Гуманитарное образование есть передача и развитие от поколения к поколению абсолютного общественного богатства – всеобщих продуктивно-творческих сил человека. Цель этого образования – воспитание культурного человека, который умеет избирать и развивать совершенные, объективно лучшие содержания и на этой основе достойно жить среди людей и творить в культуре. При такой цели образование обретает ясную ценностную направленность, свободную от упрощения; основательность и дух совершенства, столь присущий культуре. Цель гуманитарного образования достижима в рамках его трехуровневой структуры. Это – уровень духовно-ценностный (аксиологический); уровень развития всеобщих по значению общекультурных способностей (креативно-антропологический) и уровень социально-технологический (праксиологический). На первом уровне развивается ценностное самосознание личности, на втором – целостный духовный акт в единстве главных духовных сил, на третьем – умения личности осуществлять социокультурные технологии по отношению к себе и к другим людям в системе социальных институтов, отношений и норм.

Три отмеченных уровня выражают устойчивую структуру субъективности, которая включает сферы эмоционально-ценностную, рационально-волевою и операциональную. В рамках трех уровней создается качествообразующая основа образования. Трехуровневая структура позволяет обосновать оптимальный набор учебных дисциплин, их целевое назначение (какие ценности, способности и практические умения они развивают), сообщить образованию человекотворческий характер, ориентирует образование на классическую основу (культуру).

Три уровня гуманитарного образования являются предпосылкой для воспитания социальной компетентности личности. Социальная компетентность есть соответствие ценностей и знаний, способностей и умений субъекта его реальным социальным статусам согласно должному уровню культуры, нравственности и права; она включает в свой состав ясное ценностное понимание социальной действительности, конкретное социальное знание как руководство к действию, субъектную способность к самоопределению, самоуправлению и нормотворчеству; умение осуществлять социальные технологии в системе социальных институтов, норм и отношений. Социальная компетентность есть операционально оформленная жизненная методология. Ее отличительная особенность – синтез ценностей и технологий. Автор излагает уровни, критерии и эмпирические показатели социальной компетентности. Вопрос о социальной компетентности выпускников – это вопрос об их социальной самозащите, об их умении владеть техникой социальной и духовной безопасности в сфере соблазнов антикультуры.

Далее в параграфе обосновывается целесообразность поэтапного введения высшего профессионального образования. «Экономика знаний» предполагает и «человека знаний». Иначе обострится противоречие между интеллектуально емкими технологиями и «интеллектуально» стареющими работниками, возникнут «тромбы» в реализации научных, управленческих и др. инноваций. «Индустриальная система техноцентрична, постиндустриальная – культуроцентрична» (Ю. М. Бородай), делающая ставку на общественный интеллект, на регулятивы национальных культурных традиций и на духовную солидарность. Включение в экономику этих параметров дает больший эффект, чем жесткая регламентация работников.

Первым на важность проблемы обратил внимание Г. М. Романцев²², ныне академик РАО. В подготовке рабочих кадров сложилась жесткая связка «профессия – уровень образования». В подготовке рабочих доминировало отношение «работник – техника» ценой умаления отношения «человек – человек». Распространять уровень начальной профессиональной подготовки на образование, значит проектировать «начального» человека. Проблемы заключается в противоречиях между: индустриальной, техноцентристкой формой подготовки рабочих и наукоемким производством; трудом живым и опредмеченным; трудом совокупного работника и трудом рабочего; трудом духовным и материальным; растущим удельным весом «всеобщего труда» (К. Маркс) и ориентацией государственной политики на труд совместный, непосредственный. Если кадры решают все, а кадры готовит система образования, то с образования и следует начинать обновление России.

Автор рассматривает соотношения труда живого и опредмеченного, труд рабочего в структуре совокупного труда, труд материальный и духовный, перспективные аспекты материального труда, труд всеобщий и совместный.

Высший уровень сложности присущ духовному высокоспециализированному труду. Такой труд распредмечивает всеобщие закономерные связи объективной реальности и развивает всеобщие по значимости силы человеческой головы (теоретическое мышление, художественное воображение и др.). Поэтому такой труд Маркс назвал всеобщим. Средний уровень сложности свойствен труду, в котором соединяются научное мышление и умелые руки. Такой труд преобразует предмет на основе сознательного использования объективных законов, а субъект этого труда имеет теоретическую подготовку (врач, летчик и т.п.). Труд простого уровня сложности присущ работнику с эмпирической подготовкой, который изменяет внешнюю оболочку предмета, а не его закономерные связи. Установление для рабочих эмпирического уровня подготовки и ограничение их образования означает резкое увеличение доли простого труда. Следствием этого являются усиление интеллектуальной неоднородности в структуре совокупного труда и функциональной рассогласованности между простым и высшим уровнями труда, блокирование оперативного внедрения инновационных технологий, включая экономические, организационные и управленческие, усиление социально-классовых различий до степени враждебного противостояния, резкое ослабление конкурентной способности России на мировом рынке. Работники производят не только вещественный продукт, но и социальные отношения. Рабочие с начальным профессиональным образованием

²² Романцев Г. М. Проблемы и перспективы развития высшего рабочего образования // Профессионально-педагогическое образование: В 2 ч. Екатеринбург, 1994. Ч. 1. О технологии высшего рабочего образования см.: Романцев Г. М. Теоретические основы высшего рабочего образования. – Екатеринбург, 1997.

способны производить и социальные связи лишь на «начальном» уровне. Классовые же противоречия деструктивны, могут парализовать единство совокупного труда.

Доминирование труда среднего уровня сложности означает для России качественный скачок во всех сферах общества – производственной и экономической, социальной и политической. В частности, это позволило бы навсегда похоронить идею классовой вражды и утвердить мир и согласие в народе.

Рабочие исполняют необходимую функцию – производить общественное богатство на стадии его материального оформления, облекать идеальный образ (научные, инженерно-конструкторские разработки и иные проекты) в природный материал. Но из того, что эта функция будет сохраняться всегда, еще не следует, что данная функция будет осуществляться на уровне простого труда. Труд работника может быть материальным по форме и интеллектуальным по содержанию: работник изменяет материальную оболочку предмета для перестройки внутренних закономерных связей или управляет предметом на основе закономерностей (например, пилот самолета, космонавт, врач и др.). При этом предмет и субъект труда выступают не только со стороны явления, но и сущности: предмет – в аспекте закономерных связей, субъект – в аспекте теоретического мышления. Рабочий – центральная фигура на стадии перевода научного знания в действительность. Чтобы адекватно воплощать это знание, он должен его понимать. Это – технологическая необходимость. Не может слепой вести зрячего.

Актуальность всеобщего высшего образования как стратегии на будущее станет очевидным по мере возрастания удельного веса всеобщего труда. Одни авторы связывают всеобщий труд с трудом общественным и конкретным в отличие от труда частного и абстрактного (В. М. Межуев), другие – с самодеятельностью (Е. Я. Шенкман), с диалогичностью (В. С. Библер), с продуцированием способностей (Е. Я. Режабек), с опосредованной кооперацией (Н. Н. Семенов) или с опосредованным трудом (А. Агг). Все эти особенности присущи всеобщему труду, но сами по себе они не составляют его родовой отличительной особенности. Надо выявить то исходное основание, из которого эти особенности следуют, и благодаря которому Маркс назвал труд именно всеобщим, а не самодеятельным, общественным, опосредствованным и т.д. Автор дает развернутое толкование всеобщего труда, его культурное и личностное значение, раскрывает предпосылки повышения его удельного веса в совокупном труде, излагает актуальные аспекты предвидения К. Маркса о совокупном труде.

В заключение параграфа делаются выводы, в частности, – культурное воспроизводство новых поколений в системе образования становится антропогенным базисом общества. Культурное воспроизводство людей первично, а производство средств жизни вторично. Работники с профессиональной теоретической подготовкой есть социальная основа проведения государственной политики по программе всенародной справедливости и опора государства. Рост удельного веса таких специалистов является профессиональной основой для динамичного развития и культурного обновления всех сфер общества.

В **Заключении** излагаются выводы и перспективы дальнейшей разработки темы исследования.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах

1. Нужна ли «злая педагогика?» // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2002. № 4 (16). С. 183–190. – 0, 7 п.л.
2. Концепция воспитания студентов вуза // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2002, № 5 (17). С. 14–32. – 1, 00 п.л.
3. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2003, № 2 (20). С. 126–139. – 1, 00 п.л.
4. Опыт понимания духовности с позиций аксиологии совершенства И. А. Ильина (к 120-летию со дня рождения мыслителя) // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2003, № 4 (22). С. 105–117. – 1, 00 п.л.
5. Рефлексия об основаниях мировоззренческой культуры // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2003, № 6 (24). С. 102–122. – 1, 2 п.л.
6. Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значение // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2004, № 2 (26). С. 3–18. – 1 п.л.
7. Логика метода развития понятия // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2004. № 5 (29). С. 131–139. – 0, 7 п.л.
8. Уверенность в себе как важное качество личности // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2004. № 5 (29). С. 69–73. – 0, 45 п.л. (в соавт.).
9. Философия рисунка // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2004. № 6 (30). С. 36–45. – 0, 8 п.л. (в соавт.).
10. О синергетике, редукционизме и эвристике // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 2 (32). С. 114–125. – 1, 00 п.л.
11. Акмеология сердечного созерцания в культуре и его креативные возможности в образовании // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 5 (35). С. 78–90. – 0, 8 п.л.
12. Креативность субъектности: категориальный анализ // Мир психологии. СПб – Воронеж, 2005. № 1. С. 76 – 84. – 0, 8 п.л.
13. Творческая мысль: истоки, эвристика и значение в образовании // Образование и наука // Известия УрО РАО. 2006. № 2 (38). С. 105–113. 0, 9 п.л.

Монография

14. Логика мышления и аксиология сердца / Рос. филос. о-во и др. – Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации», 2006. – 512 с. – 35, 1 п.л. (Сер. «Филос. образование» / Ред. совет: В. В. Ким (предс.) и др.; Вып. 37.

Учебное пособие

15. Философия совершенства Ивана Ильина: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2007. – 551 с. – 23,1 п.л.

Статьи

16. Социально-технологический базис рациональных структур мысли // Чувственное и рациональное. Сб. статей. / Под ред. Д. В. Пивоварова. – Свердловск, Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 40–53. – 0, 8 п.л.
17. Диалектическое отрицание в структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному // Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития. Сб. науч. тр. / Под ред. И. Я. Лойфмана и др. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1983. С. 104–117. – 0, 9 п.л.

18. Проблемы формирования логических категорий // Актуальные проблемы диалектической логики. Сб. статей. / Под ред. А. П. Шептулина и др. – Ин-т философии АН СССР, М., 1984. С. 26–38. – 0, 7 п.л.

19. Диалектика отрицания отрицания // Вопросы философии. 1985, № 3. С. 162–164. – 0, 6 п.л. (в соавт.).

20. Философская диалектика и диалектический метод // Теория и метод в марксистско-ленинской философии. Вып. 1. Сб. статей. / Под ред. А. П. Шептулина и др. – Ин-т философии АН СССР, М., 1985. С. 36–42. – 0, 45 п.л.

21. Субъектность как проблема исторического материализма. // Методологические проблемы исследования человека в историческом материализме / Под ред. Л. П. Буевой, Ю.К. Плетникова и др. – М., Ин-т философии АН СССР, 1985. С. 29 – 33. – 0, 4. п.л.

22. Материалистическая диалектика как теория познания // Вопросы философии, 1986, № 1. С. 158–161. – 0, 4 п.л. (в соавт.).

23. Возможно ли единство многообразных ценностей в российском самосознании? // Духовные ценности и национальные интересы России. Сб. статей. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998. С. 7–16. – 1, 00 п.л.

24. От технической цивилизации к культуре // Экономика и культура. Межвуз. сб. ИППК УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 408-421. – 0, 7 п.л.

25. Российское гуманитарное образование: сущность, структура и критерии эффективности // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра Российской академии образования. 2000, № 2 (4) с.195–207. – 0, 8 п.л.

26. Концепция воспитания // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 1997 г. Сб. реф. избр. работ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 9-12. – 0, 3 п.л.

27. Ценностная основа духовно-нравственной экономики // Русский экономический вестник. Журнал. Вып. 1. / Под ред. А. М. Миняйло. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 28–46. – 1 п.л.

28. Дух – основа душевного здоровья // Личностно ориентированное профессиональное образование: в 2 ч. Ч. 1. Сб. науч. тр. РГППУ. Екатеринбург. 2002. С. 74-81. – 0, 5 п.л.

29. О духовной основе национальной идеи России (по работам И. А. Ильина) // Русский экономический вестник. Специальный вып. Материалы Всерос. научно-богословских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения И. А. Ильина. 2003, № 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2003. С. 46–77. – 1, 8 п.л.

30. Субъектный принцип в философии // Современное информационно-методологическое обеспечение научно-исследовательской деятельности. Материалы регион. конф., посвященной 70-летию УрО РАН и 70-летию Центральной научной библиотеки УрО РАН. Екатеринбург: Центральная научная библиотека УрО РАН, 2003. С.97–101. – 0, 4 п.л.

31. Акмеологическая природа совершенства // Акмеология общего и профессионального образования: Материалы регион. науч.- практ. конф., 6–7 апреля 2004 г. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф. – пед.ун.- та, 2004. С.44–53. – 0, 7 п.л.

32. Духовно-ценностные основы воспитания личности в гуманитарном образовании // Развитие личности в современных социально-экономических условиях

России: Материалы регион. науч.- практ. конф. (Нижний Тагил, 22-23 января 2004 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал гос. эконом. ун-та, 2004. С. 250–261. – 0, 7 п.л.

33. Креативность самодеятельности в становлении субъектных качеств личности // Педагогические системы развития творчества: В 3 ч. Материалы 2-ой Всерос. науч.-практ. конф., 9-10 декабря Ч. 3. 2003 г. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф. – пед. ун-та, 2003 г. С. 11– 27. – 1 п.л.

34. Проблема фундаментализации гуманитарного образования // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. Д. Бухарова. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф. – пед. ун-та. 2004. С.143–156. – 0, 6 п.л.

35. Креативность совершенства в воспитании духовности личности // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2004, № 1 (35). С.79–87. – 0, 7 п.л.

36. Креативно-антропологические основы гуманитарного образования // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2004, № 1 (35). С. 94–104. – 0, 6 п.л. (в соавт.).

37. Мыслеобразующая форма и ее эвристическое значение в преподавании // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2004, № 2 (36). С.70–83. – 0,8 п.л.

38. Креативность сердечного созерцания в культуре // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2005. № 1 (37). С. 23–38. – 0, 9 п.л.

39. Основы художественного воспитания (по работам И. А. Ильина) // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2005. № 2 (38). С.46–58. – 0, 8. п.л.

40. Человекотворческая природа искусства // Художественное образование как важнейший фактор личностного, эстетического и профессионального развития человека. Сб. ст. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед.ун-та, 2004. С.24–36. – 0, 9 п.л.

41. Универсальная сущность человека как основа креативной культурной антропологии // Педагогические системы развития творчества: В 3 ч.: Материалы 3-й Всерос. научно-практ. конф. 14–15 декабря 2004 г. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2004. Ч. 1. С. 21- 29. – 0, 5 п.л.

42. Креативность сердца и кризис бессердечной культуры // Человек в мире культуры: Межвуз. сб. науч. и науч.-метод. тр. УрГПУ, Екатеринбург, 2005.С. 3–8. – 0, 4 п.л.

43. Субъектные качества – личностная основа гражданского общества // Россия XXI века: проблемы, противоречия и перспективы обновления: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (12 апреля 2005 г., Екатеринбург, РГППУ). / Отв. ред. С. З. Гончаров. – Екатеринбург, 2005. С.59–73. – 0, 9 п.л.

44. Креативность сердечного созерцания в художественном искусстве (по работам И. А. Ильина) // Вопросы художественного образования: Сб. науч. тр. Вып. 2. / Отв. ред. А. С. Максяшин. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф-пед.ун-та, 2005. С. 19–33. – 0, 9 п.л.

45. Креативность субъектности в умножении человеческого капитала и в развитии гражданского общества // Проблемы креативной экономики: Доклады межрегион. науч.-практ. конф. (3-4 ноября, 2005). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С.8–20. – 1 п.л.

46. Креативность совершенства и любви в обретении духовности // Воспитание духовности: Ценностные основы высшего профессионального образования. Материалы регион. науч.-практ. конф. РГППУ, Екатеринбург, 27-28 ноября 2005 г. / Отв. ред. С. З. Гончаров. – Екатеринбург, 2006. С. 7–34. – 2, 7 п. л.

47. Опыт историко-культурологического понимания основ инновационного стиля жизни, субъектности и диалектического мышления // Воспитание духовности: Ценностные основы высшего профессионального образования. Материалы регион. науч.-практ. конф. РГППУ, Екатеринбург, 27-28 ноября 2005 г. / Отв. ред. С. З. Гончаров. – Екатеринбург, 2006. С.114–139. – 2, 7 п. л.

48. Совершенство – источник творческих потенциалов и вершинных достижений // Акмеология профессионального образования: Материалы III науч.-практ. конф., 14-15 марта 2006 г. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2006. С.45–51. – 0, 5 п. л.

49. Истоки совершенства в душе человека // Акмеология профессионального образования: Материалы III науч.-практ. конф., 14–15 марта 2006 г. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2006.с. 51–57. – 0, 5 п. л.

50. Дух в жизненных циклах человека // Человек. Машины. Ценности: Материалы Международной междисциплинарной науч. конф., 20-21 апреля 2006. Курган.: Изд – во Курганского гос. ун – та, 2006. С.80–82. – 0, 4 п. л.

51. Основы инновационного стиля жизни: исторический, экономический и социокультурные аспекты // Развитие инновационной экономики / Под ред. К. П. Стожко, Н. Н. Целищева. Материалы УШ Межрегион. науч. – практ. конф., 17-18 января 2006 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 3–32. – 1. 9 п. л.

52. Культура в циклах исторического процесса // Методологические проблемы изучения культурных феноменов: Сб. науч. тр. Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2006. С.31– 40. – 0, 6 п. л.

53. Эвристический потенциал учения И. Канта о мышлении // Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания: Материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 10 – 11 марта 2005 г.). / Отв. ред. Ю. И. Мирошников. – Екатеринбург: Изд – во Урал. ун – та, 2006. С. 10 – 32. – 1, 3 п. л.

54. Культура – творение всеобщего труда // Вторые Лойфмановские чтения: Универсалии культуры: Материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 19 – 20 декабря 2006 г.). / Отв. ред. В. В. Ким. – Екатеринбург: Изд – во Урал. ун – та, 2006. С. 6 – 68. – 0, 5 п. л. (в соавт.).

55. Категориальная основа понимания субъектности // Профессиональная педагогика: Категории, понятия, дефиниции: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. Д. Бухарова. Вып. 4. – Екатеринбург: Изд – во Рос. гос. проф. – пед. ун – та, 2006. С.93 – 113. – 1, 2 п. л.

Подписано в печать 02. 02. 07. Формат 60x84 / 16. Бумага для множ. аппаратов.

Усл. печ. л. 2, 4. Уч. – изд. л. 2, 5. Тираж 150 экз. Заказ № 31.

ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Ризограф ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.